

## ДЖОН СТЮАРТ МИЛЛЬ (1806-1873)



John Stuart Mill – жертва безжалостного педагогического эксперимента своего отца (благодаря которому, впрочем, он и получил своё прекрасное образование), начал изучать древнегреческий язык, когда ему было три года, в шесть лет он начал писать свою первую книгу (по истории Древнего Рима), в следующие шесть лет он основательно изучил математику (включая дифференциальное исчисление), логику, древнюю историю, философию и литературу, в тринадцатилетнем возрасте – проштудировал курс политической экономии, а следующий год своей жизни провёл во Франции, где он изучал французский язык и посещал лекции университетских профессоров по математике, химии и биологии. Его "Автобиография" (1873) – прекрасная книга, которая была издана в русском переводе в 1896-ом году<sup>1</sup>.

Я читал её по-английски – удовольствие получил огромное.

Милль начинает с объяснения причин, почему он решил оставить нам своё жизнеописание – описание жизни, вовсе не богатой событиями и приключениями. Прежде всего, он хотел показать, сколь многое может быть достигнуто в деле образования в очень раннем возрасте (сам он в трёхлетнем возрасте уже умел и читать, и писать по-английски...) Во-вторых, он хотел отдать дань уважения тем, кому он был во многом обязан своими успехами, – своему отцу Джеймсу Миллю и своему наставнику Джереми Бентаму.

Джон Стюарт Милль родился 20-ого мая 1806-ого года в семье Джеймса Милля, автора известной позднее книги *History of British India*.

Джеймс Милль был сыном башмачника. Но мать Джеймса была родом из разорившейся дворянской семьи и сделала целью своей жизни вывести своего сына

---

<sup>1</sup> Новейшее издание: Джон Стюарт Милль. "Автобиография. История моей жизни и убеждений". М. : "Либроком", 2013.

в люди. Благоприятный случай представился довольно скоро. Один из местных богачей, Sir John Stuart of Fettercairn, искал в местной школе способного парнишку, который мог бы стать репетитором для его дочери. Учитель порекомендовал Джеймса Милля. Джеймс хорошо справлялся со своими обязанностями, и когда его подопечная поступила в University of Edinburgh, Джеймс тоже стал студентом этого университета (сэр Джон Стюарт платил за его обучение при условии, что Джеймс будет помогать его дочери и там, в Эдинбурге). В возрасте 29 лет Джеймс перебрался в Лондон с намерением зарабатывать литературным трудом. Три года спустя он женился и, несмотря на постоянный недостаток в средствах, стал отцом 9 детей.

Джон был его первенцем. Джеймс Милль стал его строгим (часто – слишком строгим) учителем. Всё время мальчика было занято чтением и учением (а вскоре Джон стал ещё и учителем для своих младших братьев и сестёр, что ему совсем не нравилось). Отец и сын ежедневно совершали многокилометровые прогулки. Во время этих прогулок Джон отчитывался перед отцом о проделанной работе и обсуждал с ним прочитанное. В восьмилетнем возрасте Джон уже свободно читал древнегреческих авторов в подлиннике (особенно ему нравились жизнеописания Плутарха) и тогда же он взялся за латинский. К двенадцати годам он уже прочитал в оригинале "Энеиду" Вергилия, "Историю Рима" Тита Ливия, книги Цицерона, Саллюстия и других римских авторов. "Илиаду" и "Одиссею" Гомера, "Историю" Фукидида, "Риторику" Аристотеля и книги многих других писателей Древней Греции он тоже читал в оригинале. В эти же годы он освоил полный курс алгебры и геометрии, включая элементы высшей математики, а "для души" он читал "Робинзона Крузо", "Дон Кихота" и арабские сказки "Тысячи и одной ночи". Впрочем, на эти "бесполезные" книги времени у него оставалось мало. Отец заставлял Джона читать ему вслух серьёзные книги – например, латинские трактаты по схоластической логике – и всегда старался объяснить сыну, почему он выбрал для чтения то или иное произведение. Многие из прочитанных книг, признаётся Джон Стюарт Милль, он не мог в те годы ни глубоко понять, ни по-настоящему оценить, но брошенные в раннем детстве семена дали всходы позднее...

Джеймс Милль дружил с Рикардо и Бентамом. Неудивительно поэтому, что у Джона рано развился интерес к общественно-политической литературе. В возрасте тринадцати лет он основательно изучил политическую экономию, что было, как он признаётся, нелёгкой задачей, несмотря на его искренний интерес к этому предмету. Ежедневно он писал для своего отца краткие письменные отчёты о проделанной работе, а во время традиционных прогулок Джеймс разъяснял сыну то, чего тот не мог понять сам. "Едва ли найдётся другой, более исчерпывающий и более приспособленный к развитию моих способностей метод преподавания, нежели тот, который использовал при преподавании мне логики и политической экономии мой отец, – пишет Джон Стюарт Милль. – Отец старался, насколько это возможно (иногда даже слишком), побудить меня к тому, чтобы я во всём разобрался сам, а потому предлагал свои объяснения не в начале урока, а в конце"...

В пятнадцатилетнем возрасте Джон опережал своих обычных сверстников в развитии, по его словам, лет на двадцать пять. При этом он полагал, что всё дело было не в его необыкновенных способностях, а в особой системе обучения. "Любой физически

здоровый ребёнок со средними способностями мог бы достичь в деле образования того же, чего достиг я, – пишет он, – если бы только ранние детские годы ребёнка не растрчивались впустую на глупые игры и детские книги". При всём своём колоссальном трудолюбию, Джон часто не мог оправдать чрезмерных ожиданий своего отца. И в этом он тоже видит одну из причин своих успехов. "Ученик, от которого не требуют невозможного, никогда не сделает и то, что возможно", – пишет он. Джон Милль был уверен, что ребёнку не следует сообщать готовых истин, но следует всячески развивать его мыслительные способности. "Мне никогда не разъясняли того, до чего я мог прийти своим умом. Все объяснения предлагались только после того, как я сделал всё возможное, чтобы разобраться с трудным вопросом своими силами", – пишет он. Слабые стороны своего образования Джон Милль видел в том, что, обладая огромными теоретическими знаниями, он не обладал многими необходимыми для жизни практическими умениями. Он никогда не ходил в школу, у него не было друзей среди мальчишек-сверстников; кроме книжной учёности, у него не было никакого жизненного опыта. Это привело его в дальнейшем к глубокому духовному кризису...

Джеймс Милль не верил в Бога, потому что не мог понять, как всеблагой и всемогущий Господь мог допустить существование в мире стольких страданий и несправедливостей. Поэтому Джон тоже вырос атеистом. "Я не отказывался от религиозных убеждений, – пишет он, – у меня их просто не было". Кроме того, он видел, что многие из атеистов стояли в моральном смысле гораздо выше, чем те, которые называли себя правоверными христианами...

Его отец считал глубокие чувства одной из форм сумасшествия и старался не проявлять своей любви даже по отношению к собственным детям. Как истый англичанин, он привык сдерживать свои чувства до такой степени, что, казалось, никаких чувств у него и не было. При всём своём глубочайшем уважении к отцу, Джон не мог сказать, что он любил своего родителя. Понимая, что отец лишил его детства, он, однако, не торопится со своим приговором. "Я не могу сказать с уверенностью, – пишет Джон Милль, – была ли суровая дисциплина моего отца для меня злом или благом". Маленькому вундеркинду приходилось заниматься такими предметами (например – логикой), которыми любого ребёнка было бы трудно заставить заниматься лишь методом убеждения... Соглашаясь с тем, что дети обычно добиваются наилучших результатов в изучении лишь тех предметов, которые им интересны, Джон Милль категорически возражал против превращения учебного труда в весёлое развлечение. "Несомненно, следует только приветствовать стремление современных методистов сделать учение интересным и лёгким. Но образование теряет смысл, если оно ограничивается только тем, что легко и интересно", – пишет он.

После возвращения из Франции, где он слушал лекции университетских профессоров по естественным наукам, Джон Милль продолжил своё гуманитарное самообразование. Он с большим интересом изучал историю Французской революции (в это время формировались его либерально-демократические убеждения), а книга Бентама "Введение в основания нравственности и законодательства", которую Джон Милль читал по-французски, сделала его убеждённым утилитаристом. Все его отрывочные наблюдения и размышления над жизнью уложились вдруг в стройную и логичную систему. "Когда я закрыл последний

том "Введения", я был уже другим человеком", – пишет он. Отдавая дань огромного уважения своему наставнику, Милль, тем не менее, вынужден был признать, что "Введение" в вольном французском переводе Этьена Дюмона (бывшего у Бентама секретарём) получилось гораздо более кратким, ясным и интересным, чем тяжеловесный английский оригинал.

Этьен Дюмон не был великим писателем или философом. Но он, возможно, был самым выдающимся секретарём в истории. Уроженец Женевы, личный секретарь Мирабо, Дюмон познакомился с Бентамом в 1788-ом году и стал его учеником, издателем и комментатором его работ и популяризатором его идей, в первую очередь – во Франции.

В 1823-ем году отец устроил семнадцатилетнего Джона клерком в свой офис в East India Company с жалованием 30 фунтов стерлингов в год. В этом офисе Джон Стюарт Милль проработал больше тридцати лет. В 1856-ом году он стал начальником этого офиса с жалованием 2000 фунтов в год (очень хорошие по тем временам деньги: самая высокая зарплата рабочего не превышала тогда 150 фунтов в год, а подавляющее большинство населения не имело и 50). Милль ценил свою работу не только за то, что она приносила ему стабильный доход. Трудности управления людьми, необходимость часто идти на компромисс помогли ему освоить искусство жертвовать второстепенным, чтобы не потерять главного. "Я учился тому, как получить всё возможное, если невозможно получить всё", – пишет Милль. Работа эта, впрочем, не была для него слишком обременительной, он находил время и для учёных занятий, и для литературной деятельности. Например, в 1825-ом году он отредактировал пятитомный труд Джереми Бентама *Treatise upon Evidence*, объединив в одну три массивных рукописи с многочисленными исправлениями и собственными дополнениями, – огромная работа, если принять во внимание и сложность предмета, и тяжеловесный стиль Бентама. Литературная деятельность тоже приносила Миллю кое-какой доход, хотя он и не рекомендовал никому зарабатывать литературным трудом, считая это дело крайне ненадёжным источником дохода, особенно – для человека совестливого и принципиального. "Работа над книгами, предназначенными для воспитания любителей поразмышлять, требует слишком много времени. А когда эти книги написаны, то требуется значительное время, чтобы они приобрели известность и публичное одобрение; а потому это не надёжный способ, чтобы зарабатывать на жизнь", – пишет он. Однако журнальные публикации молодого либерала были скоро замечены. Журнальные публикации, в отличие от книг, не могут годами дожидаться успеха и признания. Они привлекают внимание читающей публики или сразу после выхода в свет или никогда...

Милль верил в спасительную силу учения и вслед за Джереми Бентамом надеялся, что распространение образования позволит постепенно решить многие социальные проблемы, – мысль это не новая, но то, что называют оригинальным мышлением, в том и заключается, – пишет Милль, – чтобы с успехом применить старые идеи к новым обстоятельствам.

С тех пор как Джон Милль прочитал "Введение в основания нравственности и законодательства", у него появилась цель жизни: изменить мир (to be a reformer of the world). "Я обрёл счастливую уверенность в том, что счастье моё связано со значительной, хотя и отдалённой, целью, которая никогда не может быть достигнута во всей полноте, но

постоянное приближение к которой вполне возможно", – пишет он. Осенью 1826-ого года этой "счастливой уверенности" не стало. "Буду ли я совершенно счастлив, если все мои жизненные цели будут вдруг достигнуты, если все общественные реформы, которых я с нетерпением ожидаю, будут вдруг полностью осуществлены? – Нет!" – пишет двадцатилетний Джон. Это открытие повергло его в смятение...

Беда всех почти теоретиков нравственности заключается, по моему мнению, в том, что они пытаются сконструировать абсолютный нравственный идеал, к которому могли бы стремиться все без исключения люди. Очень быстро, однако, они убеждаются в том, что такого идеала не существует, потому что нравственные ценности у людей, живущих в разных странах и в разное время, различны. То, что в одной культуре считается совершенно недопустимым злом, в другой культуре может быть признанной необходимостью (например, у некоторых диких народов долгое время существовал обычай, согласно которому обязанностью старшего сына было убивать старых и больных родителей). Воровство почитается безнравственным поступком у многих народов, но в древней Спарте, например, ловкий воришка, которого никак не удавалось схватить за руку, пользовался уважением. Христиане считают многожёнство грехом, а мусульмане не видят в этом ничего предосудительного...

Вторая причина духовного кризиса Милля, как он заметил сам, заключалась в неразвитости его чувств (именно в это время он увлекается поэзией Кольриджа). Обладая мощным аналитическим умом, он привык всё анализировать и быстро заметил, что спокойный, беспристрастный анализ, хотя и облегчает нравственные мучения, но одновременно ослабляет и чувство радости, и ощущение счастья. "Спросите себя, счастливы ли вы, – и в тот же миг вы перестанете чувствовать себя счастливыми", – пишет Милль. Как тут не вспомнить замечательные слова Гоббса: **!!!** "when reason is against a man, a man will be against reason". Другой важный вопрос, который не давал Миллю покоя, – это вопрос о предопределённости нашей жизни и судьбы. Он чувствовал себя "рабом обстоятельств". Постепенно он пришёл к мысли о том, что, хотя характер человека и предопределён в значительной степени обстоятельствами его жизни, человек может немало сделать, чтобы изменить эти обстоятельства.<sup>2</sup>

Преодолев свой духовный кризис, Милль был по-прежнему уверен в том, что стремление к счастью составляет существо всех человеческих стремлений. Но он пришёл к выводу о том, что личное счастье само по себе не может быть конечной целью человеческого существования. "Только те по-настоящему счастливы, – пишет он, – кто имеет целью что-то большее, чем их личное счастье, а именно – счастье других людей". Другой важный вывод, к которому он пришёл, – это вывод о необходимости сбалансированного развития ума и чувств (многие английские мыслители считали чувство неизбежным злом и препятствием на пути к достижению рациональных целей). Наконец, он понял, что достигнутые цели во многом теряют свою привлекательность, а лёгкий доступ к удовольствиям жизни обесценивает эти удовольствия.

Кризис был преодолен. Вообще, умению Милля найти в своей философской системе место для любой новой идеи без отказа от своих базовых принципов можно только позавидовать. В это время своей жизни он интенсивно размышляет о проблемах

---

<sup>2</sup> "Our will, by influencing some of our circumstances, can modify our future habits", – замечает он.

общественного развития. "Многое из того, что я "открыл", – пишет Милль, – было давно известно всему миру, но для меня это было открытием".



Harriet Taylor

В 1830-ом году Джон встретил женщину, которую полюбил на всю жизнь. Она была замужем, и в течение 20 лет они были, как они утверждают, просто близкими друзьями. Поверить в это трудно, тем более, что Джон часто и подолгу гостил в её загородном доме, в то время как её муж был занят делами в Лондоне. Джон Милль и Хэрриет Тэйлор нередко вместе путешествовали, но, несмотря на неизбежные в такой ситуации слухи, её муж сквозь пальцы смотрел на эту многолетнюю дружбу, которая закончилась свадьбой Джона и Хэрриет в апреле 1851-ого года – через два года после смерти её мужа. Джон Милль глубоко любил свою жену не только как привлекательную женщину, но и как умного друга, и явно преувеличивал её вклад в его литературную деятельность. К сожалению, судьба подарила им всего семь лет счастливой супружеской жизни: Хэрриет заболела и умерла в 1858-ом году в Авиньоне, во Франции. Джон тяжело переживал потерю жены и часто ходил на её могилу (он купил в Авиньоне дом и каждый год ездил на несколько месяцев во Францию)...

Всю свою жизнь Джон Стюарт Милль пропагандировал свои принципы, которые он считал важными для достижения счастья. Лучшие из думающих людей всех времён и народов никогда не были удовлетворены той жизнью, которую им приходилось наблюдать, и всегда стремились улучшить эту жизнь, подарив человечеству идеал, к которому, по их мнению, следовало стремиться. Джон Милль хотел сделать свой идеал максимально полезным и практически осуществимым ("the highest realizable ideal of human life ... immediately useful and practically attainable").

Что касается меня, то я думаю, что и заведомо неосуществимые идеалы всё же заслуживают того, чтобы к ним стремиться. Работая ради заведомо неосуществимой мечты, люди нередко достигают большего, чем они достигли бы, если бы этой мечты у них не было. В этом смысле оказывается отчасти верной категорично-задиристая формула: "Движение – всё, конечная цель – ничто!" Эта формула верна, однако, лишь отчасти, потому что от цели во многом зависит и выбор средств для её достижения...

В 1832-ом году многие сторонники радикальных реформ были избраны в Парламент (the first Reformed Parliament), и Джон Милль работал над тем, чтобы увлечь их либеральными идеями ("to put ideas into their heads, and purpose into their hearts"). Однако создать влиятельную либеральную партию им тогда не удалось. Время великого Гладстона ещё не пришло...

О своей жизни после 1840-ого года Милль рассказывает в "Автобиографии" очень мало, полагая, что история его духовного развития лучше отражена в его других книгах. В 1843-ем году он опубликовал свой труд "Система логики", быстро ставший одним из классических текстов по этой дисциплине<sup>3</sup>, а в 1848-ом опубликовал "Основы политической экономии". Эта книга сделала его классиком и в области политэкономии.

В том же году в Лондоне был опубликован "Манифест коммунистической партии" Маркса и Энгельса. Было бы интересно узнать мнение Милля об этом документе и об этих "товарищах", но Джон Стюарт Милль нигде и никогда о Марксе не упоминал и никто не знает, читал ли он "Манифест" вообще.

Над своими книгами Милль работал очень усердно. Каждую из них он переписывал, по крайней мере, дважды. Завершив первый вариант своей новой книги, он переписывал её от начала до конца заново, а потом объединял оба текста в одну книгу, выбирая что-то из первого варианта, а что-то из второго.

Особенно тщательно Милль работал над своей книгой "О свободе" (*Essay on Liberty*), вышедшей в свет в 1859-ом году<sup>4</sup>. Он много размышлял о справедливом общественном устройстве, которое помогло бы как можно большему числу людей достичь как можно большего счастья. "Человеку, который привык судить о закономерностях, обобщая отдельные примеры и факты, политическая наука даётся с трудом: политология – это, по большей части, дедуктивная наука," – замечает Милль. Поэтому он старается сконцентрировать своё внимание не на образцовых учреждениях, а на общих принципах, в соответствии с которыми эти учреждения должны строиться. Милль высоко ценил очень умную книгу Токвиля (Alexis de Tocqueville) "О демократии в Америке" (1835) за то, что автор показал в ней не только преимущества, но и потенциальную опасность демократии, которая легко может стать диктатурой большинства. Подобные взгляды нашли своё отражение в книге Милля *Considerations on Representative Government* (в русском переводе: "Рассуждения о представительном правлении" М., 1865). Милль замечает, что даже при стремлении к одной и той же цели, интересы управляющих и управляемых далеко не всегда совпадают, а выборная система сама по себе не гарантирует такого совпадения... Что касается социалистического движения, то, признавая его цели вполне благородными, Милль сомневался как в практической осуществимости социалистических идеалов, так и в выборе средств к их достижению. Он полагал, однако, что английским богачам следует больше бояться народа тёмного, нежели народа просвещённого, и считал, что социализм как система мог бы очень многое сделать в деле образования и просвещения народа... Один из самых трудных практических вопросов государственного устройства – это вопрос о разделении полномочий центральной и местной власти. Задолго

<sup>3</sup> Последний по времени русский перевод был издан в Москве в 1914-ом году.

<sup>4</sup> Русский перевод: "О свободе". СПб., 1865, перепечатано в сб. «О свободе : антология западноевропейской классической либеральной мысли», ред. М. А. Абрамов. М. : Наука, 1995.

до появления в высшей степени централизованного советского государства, Милль видел опасность деспотизма в такой стране, где все равны в своей рабской зависимости от центральной власти ("all equals, but all slaves"), однако он видел и опасность фактического развала государства при неконтролируемом развитии местнических тенденций.

В 1858-ом году, когда Ост-Индская компания стала государственной, Милль уволился со службы с хорошей пенсией (1500 фунтов стерлингов в год) и целиком посвятил себя литературной и общественной деятельности. В 1865-ом году он был избран в Парламент, и, хотя он был далеко не блестящим оратором, некоторые из его выступлений там пользовались успехом, потому что они были очень хорошо написаны. В 1866-ом году шестидесятилетний Джон Стюарт Милль был избран ректором University of St. Andrews, и его пространное вступительное обращение к студентам этого университета стало одним из классических текстов по истории образования<sup>5</sup>. В 1869-ом году он опубликовал *The Subjection of Women*. Суфражистки и феминистки были в восторге от этой книги. Эта книга была написана в 1861-ом году, но опубликована только восемь лет спустя.

Он заканчивает свою "Автобиографию" декларацией своих демократических убеждений. "После того как я внимательно изучил все обоснованные аргументы против демократии, я, без всяких сомнений, высказываюсь за демократию", – пишет он.

Джон Стюарт Милль умер 8-ого мая 1873-его года в Авиньоне, во Франции. На набережной Темзы в Лондоне ему поставили бронзовый памятник. Но самый лучший памятник великому либералу – это его книги, многие из которых стали классикой и включены в самые авторитетные собрания лучших книг всех времён и народов.

Джон Стюарт Милль был выдающимся представителем классической политической экономии и считал универсальными не только законы производства, но и законы распределения, хотя и замечал, что, в отличие от законов производства, законы распределения частично создаются людьми. Он призывал к тому, чтобы общество заботилось о создании равных начальных возможностей для всех своих членов. В экономической области он выступал за ограничение права наследования, считая, что результаты предприимчивости родителей не должны целиком переходить по наследству к их детям. Он был сторонником эволюционного пути развития общества и постепенного нравственного совершенствования составляющих общество людей. Великая цель социального прогресса, – писал он, – должна заключаться в том, чтобы сделать человечество пригодным для такого состояния общества, где сочетались бы наибольшая личная свобода и справедливое распределение плодов труда...

### "ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ" (1848)

В любой области человеческой деятельности практика намного опережает развитие науки; систематическое изучение сил природы выступает как отстающий результат длинной цепи усилий по использованию этих сил в практических целях.

---

<sup>5</sup> Выписки из этой речи в моём русском переводе см. ниже.



Иногда народ обретает свободу в результате того, что стал богатым. Иногда он достигает богатства, потому что стал свободным. Вера и законы оказывают мощное влияние на экономическое положение народа, а последнее, в свою очередь, воздействует на его духовное развитие.

Часто случается, что всеобщее убеждение, свойственное людям определённой эпохи в истории человечества, – убеждение, от которого в то время никто, за исключением величайших гениев, не был свободен, – становится в последующую эпоху настолько очевидным абсурдом, что трудно даже вообразить, как можно было вообще когда-нибудь в подобное поверить. Такое убеждение похоже на примитивные фантазии детства, которые разрушаются одним словом взрослого. Но пусть никто не думает, что он избежал бы этого заблуждения, живи он в то время, когда оно господствовало.

Мы определяем выгоды, приносимые человеку богатством, не по количеству полезных и приятных вещей, которыми он пользуется, а по той власти, которую он имеет над всей совокупностью полезных и приятных вещей

и людей, – добавил бы я.

Нелепость не перестаёт быть нелепостью, даже если она правдоподобна.

Всё, что природа не отдаёт без приложения труда, составляет богатство.

Понятие труда необходимым образом включает в себя не только само по себе трудовое усилие, но и все неприятные ощущения, все физические и умственные неудобства, связанные с применением мускульной или духовной энергии.

За исключением труда охотника и рыбака, едва ли существует вид труда, который приносит немедленные результаты.

В условиях, когда острые потребности или ограниченные ресурсы общества вызывают необходимость достижения быстрых результатов, труд, израсходованный на достижение отдалённых результатов, делает страну беднее не только в настоящем, но и в будущем (по сравнению с тем, чего она могла бы достигнуть, если бы стремилась в первую очередь добиваться быстрых результатов).

Многие технически осуществимые и полезные проекты (например, строительство железной дороги и тоннеля под Беринговым проливом) приходится откладывать на будущее из-за их экономической (и/или политической) несвоевременности.

Было бы ошибкой сожалеть о большой части общественного продукта, который в богатой стране направляется на непроизводительное потребление. Это всё равно, что сожалеть о том, что общество располагает излишками сверх предметов первой необходимости.

Я бы сказал, что именно доля расходов, направляемых на непроизводительное потребление, и отличает бедную страну от богатой.

Весьма распространённое заблуждение заключается в том, что законы и правительства способны породить производственную деятельность без выделения на это дополнительных средств.

Вложение капитала в землю и применение дорогостоящих машин требует единовременных крупных затрат в расчёте на отдалённую по времени прибыль. Такие инвестиции указывают на полную безопасность собственности, активную предприимчивость и высокий уровень "эффективного стремления к накоплению". Эти три фактора образуют черты, присущие обществу, которое быстро увеличивает свой капитал.

Технические изобретения в конечном итоге выгоды всем. Но поскольку они лишают заработка какую-то часть работников, для законодателей нет более справедливого предмета забот, чем защита интересов тех, чьё благополучие приносится в жертву ради выгоды всего общества в целом и ради будущих поколений.

Успех производства, подобно другим видам успеха, в большей мере зависит от личных качеств участвующих в производстве людей, чем от условий производства.

**NB** Отдельные люди и целые народы различаются между собой не столько своей способностью к трудовым подвигам в экстремальных условиях, сколько своей способностью добросовестно работать в обычных обстоятельствах, трудиться в настоящем для достижения цели в отдалённом будущем.

Отсутствие вкуса к развлечениям и к праздному времяпрепровождению присуще большинству англичан из всех слоёв общества. Англичане и американцы обычно видят цель жизни в работе, которая одна только и спасает их от скуки.

Русские спасаются от скуки водкой, дракой и песнями.

В Англии не приходится внушать людям стремление к богатству; здесь нужно учить их ценить вещи, которые богатство не в состоянии дать или для приобретения которых богатство вообще не нужно.

У русских, видимо, всё наоборот. Поэтому в России стремятся к богатству, как правило, люди нерусской национальности.

Люди весьма редко умеют находить золотую середину между работой ради работы и работой ради денег.

Громадный объём производства в Англии обеспечивается не только трудом квалифицированного рабочего, но и трудом кочегара, подбрасывающего уголь в топку, и трудом девушки, которая готовит этому кочегару завтрак, и трудом мальчика, который приносит ему в ресторане пиво, и трудом банкира, у которого хранятся деньги хозяина этого ресторана. Английские рабочие, попадающие на "континент", часто жалуются, что они не могут работать там в полную силу из-за медлительности, небрежности и привычки работать спустя рукава со стороны тех, кого им выделяют в подручные.

Сегодня всё это можно сказать об американских рабочих. Темп жизни в США намного выше, чем в западноевропейских странах, не говоря уже о странах третьего мира.

Зависимость между расширением знаний общества и увеличением его богатства не требует особых разъяснений, поскольку она стала понятной даже для самых необразованных людей.

Не уверен...

Опытные наблюдатели, привыкшие иметь дело с рабочими разных национальностей, утверждают, что у иностранных рабочих они чаще встречали понятливость, совершенно независимую от их образования, тогда как английский рабочий, если только он поднимается выше уровня дровосека или водовоза, обязан этим образованию, причём, почти всегда – самообразованию.

По общему мнению, более образованные рабочие отличаются также и более высокими моральными качествами: они трезвы, умеренны в своих развлечениях, занимаются музыкой, читают ...

Всё это, видимо, относится только к английским рабочим XIX века, да и то не ко всем...

Даже самый строгий надзор извне не может сравниться с самоконтролем самих работников.

**NB** Выгода от способности людей доверять друг другу проявляется во всех сферах человеческого бытия. Совместная деятельность возможна лишь постольку, поскольку люди могут полагаться друг на друга.

Американские авиакомпании подсчитали, что им выгоднее время от времени заплатить огорчённому пассажиру за пропавший чемодан, чем нанять охранников и контролёров, устанавливать дорогостоящее оборудование и пр. Впрочем, в России будет, наверное, выгоднее платить контролёрам, чем полагаться на честность пассажиров.

**!** Ощущение опасности, которое полностью парализует энергию предпринимателей, исходит от правительства и чиновников, облечённых властью; от грабителей есть надежда защититься.

Из-за отсутствия гласности, составляющей характерную черту абсолютистского строя, от грабежа со стороны правительственных чиновников нет никакой защиты.

Да, в обстановке секретности творится много беззаконий. Но дело всё же не в гласности... Если рабочим месяцами не платят зарплату, а они покорно молчат и продолжают работать, то никакая гласность тут не поможет...

Грабёж и другие виды насилия со стороны правительственных чиновников составляют характерную черту абсолютистского строя.

**NB** Житейский опыт свидетельствует, что перемена труда часто доставляет облегчение и человек может работать гораздо дольше, не чувствуя усталости, при последовательной смене занятий, чем занимаясь в течение всего рабочего дня одним и тем же ... Физический труд представляет собой отдых от умственного труда. Перемена труда оказывает стимулирующее воздействие на состояние человека, которое, за отсутствием более подходящего определения, можно назвать бодростью духа.

Есть люди, силы которых мобилизуются медленно и труд которых приносит результаты лишь после длительного его применения. Другие принимаются за дело быстро, но не могут работать долго без усталости. Врождённые различия играют здесь известную роль, но гораздо большую роль играет привычка. Привычку к переходу от одного вида работы к другому можно выработать смолodu, а когда она уже приобретена, то нет и шатания без дела при каждой смене занятий ... Вместе с тем, следует признать, что слишком частые или непрерывные перемены более утомительны, чем постоянное однообразие.

Когда для этого существуют другие способы, правительственное руководство обычно представляет собой наименее приемлемый способ осуществления производственной деятельности.

Личный интерес служит некоторой гарантией усердия, но усердие само по себе приносит мало пользы, если управляющим не хватает способностей для руководства предприятием.

В условиях свободной конкуренции её результаты обнаружат, какая форма предприятия – индивидуальная фирма или акционерное общество – пригодна в том или ином конкретном случае, поскольку та, которая окажется более эффективной и экономичной, в конечном счёте превзойдёт другую.

Конечно, возможности крупных компаний и мелких предприятий несопоставимы, особенно сегодня (2017), когда разработка новых продуктов требует огромных вложений в научные исследования и в рекламу, но шансы выжить у мелких компаний всё-таки есть, потому что крупным компаниям не выгодно заниматься мелочами. Ср.:

Хотя вопросы и решаются по "праву" сильнейшего, не в интересах сильнейшего использовать это "право" до предела. Каждое смягчение этого "права" превращается в обычай, а каждый обычай имеет тенденцию превращаться в право [уже без кавычек].

Там, где конкурентов мало, они в конце концов всегда достигают соглашения не конкурировать друг с другом.

А крупных компаний не может быть много...

Превосходство крупных предприятий в сельском хозяйстве не столь несомненно, как в промышленности. Особенно – когда речь идёт о культурах, требующих наибольших затрат труда и тщательного ухода.

В сельском хозяйстве удвоение затрат труда не удваивает продукт.

Освоение новых земель обычно бывает более выгодно, чем стремление увеличить продуктивность уже освоенных участков ... Впрочем, закон убывающей доходности относится и к промышленности (особенно – к отраслям, зависимым от поставок сельскохозяйственного сырья).

Из всех ошибок, какие может совершить учёный в области политических и социальных наук, следует больше всего остерегаться преувеличений.

По мере того как человечество шаг за шагом поднимается над животным состоянием, рост населения всё более ограничивается не столько бедностью, сколько страхом перед бедностью.

Уверенность в будущем способствует стремлению к накоплению и благоприятствует распространению бережливости ... По сравнению с другими народами, китайцы ценят будущее меньше, чем настоящее.

**NB** Никакие улучшения не воздействуют на производительность труда в сельском хозяйстве более непосредственным образом, чем улучшения в законах, касающихся земельной собственности. Обретение прав собственности на землю теми людьми, которые её обрабатывают, имеет не меньшее значение, чем изобретение паровой машины.

Горстка деятельных земледельцев может превратить скалы в плодородную почву, если эти скалы – *их собственность* ... Дайте человеку в гарантированное *владение* холодную, открытую всем ветрам скалу – и он превратит её в сад. Дайте человеку в *аренду* на десять лет цветущий сад – и он обратит его в пустыню ... Мы видели, как в горной местности крестьяне на собственных спинах носили корзинами землю, чтобы создать почву в тех местах, которым природа отказала в ней.

Средствами для усиления трудолюбия и бережливости являются улучшение форм управления и надёжная защита собственности.

Когда темпы роста населения превосходят темпы улучшений в производстве продовольствия, государство вынуждено ввозить продовольствие из-за рубежа и поощрять эмиграцию.

В коммуне самая большая трудность заключается в справедливом распределении труда среди членов общины. **!!!** Коммунизм как общественная система существует лишь в идеале, и в настоящее время (1848 **!!!**) затруднения этой системы видны гораздо лучше, чем способы к их устранению.

**N** Нищеты можно избежать даже при нынешних (1848) общественных учреждениях. Вопрос о социализме не является (как это заявляют социалисты) вопросом о единственном спасении человечества от всех бедствий. Можно говорить лишь о сравнительных преимуществах разных общественных систем. Мы слишком мало знаем о том, что капитализм и социализм могут совершить в своих лучших формах. Время

покажет, какая из этих двух систем станет предпочтительной формой организации будущего человеческого общества.

Милль сомневается в том, что при социализме "будет существовать какое-либо прибежище для индивидуальности характера". Он опасается, что общественное мнение при социализме станет "тираническим ярмом" для личности.

Что, впрочем, вполне может случиться и при капитализме (пример – фашизм в Германии).

Ни одно общество, в котором оригинальность является предметом порицания, нельзя считать здоровым. Совместима ли коммунистическая доктрина с многообразием человеческой природы, с разнообразием человеческих интересов, вкусов, талантов? ... Предполагать, что один или несколько человек, выбранных тем или иным образом, смогут при помощи бюрократического аппарата предоставлять каждому работу по способностям и вознаграждать каждого по его заслугам, или предполагать, что любое применение ими своей власти будет встречать всеобщее удовлетворение и безоговорочное повиновение, – эти предположения вряд ли требуют обоснованного опровержения, настолько они бессмысленны. При известных условиях люди могут подчиняться установленным правилам, но чтобы горстка людей взвешивала каждого на своих весах и давала бы, по своему разумению, одному больше, а другому меньше – такого люди не потерпят ни от кого, кроме тех, кого они считают сверхъестественными существами.

Вовсе не случайно правители прошлого пытались убедить всех в своей божественной природе или, на худой конец, в том, что они или их предки были назначены на "руководящий пост" верховным божеством.

**NB** Закон бесполезен, если он не поддержан общественным мнением.

**!** Многие из людей, проживающих в городе круглый год без всякого желания сменить место жительства, сочли бы абсолютно нетерпимым тюремным заключением запрет правительства на выезд из этого города. "Свобода покинуть известное состояние зачастую составляет всю разницу между мучительностью и приятностью этого состояния".

О конкуренции часто говорят как о причине нужды и деградации рабочего класса, как будто высокие заработки не являются точно таким же продуктом конкуренции, как и низкие ... Лишь благодаря принципу конкуренции, политическая экономия имеет право называться наукой. В той мере, в какой размер ренты, заработная плата и цены определяются конкуренцией, для них можно установить законы.

**!** Есть дикие племена, которые питают такое отвращение к постоянному труду, что у них едва ли может установиться производственная жизнь прежде, чем либо их завоюют и обратят в рабство, либо они сами станут завоевателями и обратят в рабство других.

**N** В некоторых штатах Америки учить раба читать было строго наказуемым уголовным преступлением.

Уму полезна та дисциплина, при которой он активен. Секрет развития способностей заключается в том, чтобы дать им широкое поле деятельности и сильное побуждение к ней ... Привычка находить практическое применение каждой частице приобретённых знаний способствует тому, чтобы сделать плодотворным чтение и обучение в школах, которые иначе уподоблялись бы семени, брошенному на камни.

**NB** Многие люди, весьма заинтересованные в благоденствии трудящихся классов, полагают, что увеличение заработков, если оно не сопровождается улучшением вкусов и нравов трудящихся, принесло бы рабочим мало пользы.

Мало найдётся людей, желающих оставить своих детей в худшем положении, чем то, какое занимали сами.

Если отбросить все пространные и умные рассуждения о прогрессе человечества, то надо будет признать, что для большинства обычных людей прогресс в том и заключается, что дети их живут в лучших условиях, чем они сами в том же возрасте.

Никогда нельзя с уверенностью рассчитывать на то, что какой-нибудь класс или какая-нибудь группа людей станут действовать в ущерб своим непосредственным денежным интересам... Если люди не хотят работать без побудительной причины, то это не даёт ещё никаких доказательств отсутствия у них трудолюбия.

**NB !** Для возрождения народа, который в смысле трудолюбия и предусмотрительности должен учиться буквально всему, который, по своим рабочим качествам, является одним из самых отсталых европейских народов, требуются самые могущественные побуждения, которыми можно стимулировать эти качества; и нет стимула, который по силе своей был бы сравним с правом собственности...

Собственность на землю и заинтересованность в ней тех, кто её обрабатывает, является почти что гарантией самого неутомимого трудолюбия ... У держателей мелких хозяйств трудолюбие и настойчивость достигают наивысшего уровня.

**!!!** Привычки к безрассудству настолько прочно укореняются в неразвитом уме, что, раз появившись, они обыкновенно надолго переживают причины, непосредственно их породившие.

В этих "привычках к безрассудству", видимо, и заключается одна из причин извечного российского беспорядка и неустроенности. Впрочем, Милль предостерегает читателя от поспешных обобщений:

В обществе действует так много факторов, что рискованно делать какие-либо утверждения относительно умственного и нравственного состояния или практических импульсов различных общественных групп: утверждения, сегодня, может быть, правильные, через несколько лет будут нуждаться в значительных модификациях.

В России, однако, презрение к закону, неуважение к человеческой личности, продажность государственных чиновников и судей, повальная лень и почти что всеобщая неустроенность существовали на протяжении столетий, и при самом разном общественном устройстве. Эти утверждения, к сожалению, и сегодня (2017) не нуждаются в "значительных модификациях".

Главным фактором, ограничивающим рост населения в Англии, является высокая доля, которую составляют в населении самостоятельные ремесленники и средние классы, которые по численности почти равны числу наёмных рабочих (1848 г.)

В некоторых странах вступление в брак запрещено до тех пор, пока вступающие в брак мужчины не предъявят доказательств, что они способны содержать семью. В Норвегии, где бедные граждане имеют право на государственное пособие, вступление в брак лиц, получающих такое пособие, не допускается. В некоторых областях Германии, собирающиеся вступить в брак должны иметь жильё, иначе священникам не разрешается их венчать.

**!** Мальтузианство часто считают "жестокосердным". Как будто сказать людям, что они могут иметь детей, но их дети будут прозябать в нищете и испытывать всевозможные лишения, не более жестоко, чем сказать тем же людям, что они не могут иметь детей ... Каждый имеет право жить. Это мы считаем само собой разумеющимся, но никто не имеет права давать жизнь детям, содержать которых вынуждены будут другие люди ... Общество не может безнаказанно взять на себя содержание бедняков, оставляя им свободу размножения.

В обществе, где большинство людей живут физическим трудом, трудящиеся должны сохранять за собой право устанавливать налоги на роскошь в интересах общественной пользы.

Проблема, однако, заключается в том, что считать роскошью. То, что для одного роскошь, для другого – необходимость. Например, иметь в собственности дополнительную пустую квартиру часто считается роскошью. Но если для многих пенсионеров сдача такой квартиры внаём – это единственный способ обеспечить себе достойное существование, то какая же это роскошь? Трудно будет также проследить за исполнением этих законов, потому что богачи будут роскошествовать за границей, оставляя там деньги, которые они могли бы истратить в своей стране...

Опыт показал, какого рода работы следует ожидать от людей, живущих за счёт общественной благотворительности. В тех случаях, когда не плата даётся за работу, а работа изобретается для оправдания платы, заставить подёнщиков работать по-настоящему (не имея возможности их уволить) можно только с помощью плети.

Отнимите у трудящихся возможность самостоятельно регулировать свою заработную плату, гарантируйте им определённый минимум благополучия – и ничто не заставит их видеть в самоограничении надлежащее средство для сохранения этого благополучия. Вы лишь заставите их с негодованием требовать, чтобы вы продолжали обеспечивать не только их самих, но и их потомство.

**NB** Цивилизация во всех её аспектах есть борьба за человеческое в человеке, борьба против животных инстинктов.



**!** У людей склонных к благотворительности, есть свои человеческие слабости, и такие люди были бы втайне очень огорчены, если бы никто не нуждался в их благотворительности.

Значительная часть мотивов, побуждающих массу людей заботиться даже о своих собственных интересах, проистекает из уважения к общественному мнению: из опасения, что пренебрежение своими интересами вызовет неодобрение окружающих.

Когда цель состоит в том, чтобы добиться прочного улучшения условий жизни народа, незначительные средства не приносят никаких, даже незначительных, результатов.

**N** Расширение возможностей для получения образования наряду с положительными результатами имеет и отрицательный эффект: оно приводит к снижению заработной платы квалифицированных работников.

В литературной деятельности нередко добиваются успехов люди, которые отдают большую часть своего времени другим профессиям.

Если человечество просвещают люди, которые занимаются этой деятельностью преимущественно ради заработка, то идеологические основы общества не могут быть прочными.

Строительство каналов, шоссейных и железных дорог привело к снижению стоимости земли, потому что они сделали доступными другие способы конкуренции земли. **!** По этой причине землевладельцы южных районов обращались в Парламент с петициями, направленными против строительства шоссейных дорог.

То ли по лености, то ли по беспечности, то ли потому, что люди стесняются торговаться или видят престиж в том, чтобы платить, не задавая вопросов, три четверти тех, кто может это себе позволить, платят за товары гораздо более высокие цены, чем необходимо. Поэтому розничные цены не подчиняются со всей правильностью действию причин, определяющих оптовые цены.

Если количество денег остаётся неизменным, люди не могут тратить больше на одни товары, не сокращая расходы на другие товары. Но то, что они не могут сделать с помощью наличных денег, они делают путём расширения кредита, черпая из бездонного, ничем не ограниченного источника

И шаг за шагом приближаясь к финансовой катастрофе, – добавил бы я. Впрочем,

**NB** Осознанность перспективы возможных затруднений в будущем редко является серьёзным ограничением для людей, которые преуспевают в настоящем; эти люди настолько уверены в успехе, что часто заходят дальше, чем позволяют имеющиеся у них средства.

В течение длительного времени после 1819-ого года многие в Англии упорно доказывали, что значительная часть существующего национального долга возникла в период 1797-

1819 г., когда Английский банк был освобождён от необходимости выкупать свои банкноты за золото, и что это является большой несправедливостью по отношению к заёмщикам. Однако пытаться исправлять эту несправедливость сегодня (1848) значит компенсировать последствия прежней несправедливости новой несправедливостью... Прошедшие годы полностью изменили денежные взаимосвязи в обществе, поэтому попытка восстановить нарушенные в прошлом интересы не исправила бы несправедливости, а лишь добавила бы к ней другую, которая отразилась бы на всём обществе.

Ср. ситуацию с несправедливой приватизацией 1990-ых гг. в России.

Народ может находиться в неподвижном, апатичном состоянии, когда его вкусы полностью удовлетворены или совершенно неразвиты. Внешняя торговля побуждает тех, кто раньше довольствовался скудным комфортом и трудился недостаточно, работать усерднее, чтобы удовлетворить свои новые потребности.

Влияние внешней торговли на умственные и нравственные качества народа важнее её экономических выгод.

Но кто же откажется от явных экономических выгод, даже ради сохранения спокойствия в государстве?

Для людей, которые в силу существующих условий не могут развивать в себе хорошие качества, необходимо постоянное сравнение их собственных представлений и привычек с опытом и примером других народов. Нет такого народа, которому не нужно было бы заимствовать у других народов не только отдельные навыки и привычки, но и существенные черты характера.

**!** В отношениях даже наиболее цивилизованных стран ещё так много варварства, что почти все независимые государства, к своему собственному неудобству, устанавливают свою особую денежную систему.

"В изложенном нами учении ... есть единство и гармония, являющиеся убедительным косвенным доказательством его истинности".

Ах, если бы всё было так просто! Более единое и гармоничное учение, чем марксизм, едва ли когда-нибудь будет создано, но в том, что касается истинности...

**NB** Спрос на кредиты, которые используются не для новых инвестиций, а для погашения старых долгов, является одним из самых ранних признаков наступления торгового кризиса.

Из-за невежества и дурного управления, господствующего в большинстве районов, щедро одарённых природой, потребуются громадные усилия и работа многих поколений, чтобы эти страны смогли подняться хотя бы до теперешнего уровня наиболее цивилизованных государств Европы.

Спекулянты покупают товары, когда они относительно дешёвы, чтобы выбросить их на рынок, когда цены вырастут. В результате этой деятельности происходит выравнивание цен или, по крайней мере, уменьшение их колебаний. Цены на товары не падают столь низко и не поднимаются столь высоко, как это происходило бы при отсутствии спекуляции. ! Спекулянты приносят очень большую пользу экономике, и (вопреки общественному мнению) наиболее полезными оказываются те из них, кто спекулирует товарами, поступление которых подвержено сезонным колебаниям.

**NB** Одно из последствий развития цивилизации состоит в том, что человечество всё больше и больше освобождается от рабской подчинённости интересам сегодняшнего дня и формулирует свои задачи на отдалённое будущее.

Последствием прогресса является повышение безопасности.

В высшей степени спорное утверждение! Причём, не только с практической, но и с теоретической точки зрения.

[В общественных науках] мы не можем удовлетвориться выявлением законов поступательного движения, неизбежным является вопрос, какова *цель* этого движения. К какой цели стремится общество, обеспечивая прогресс производства?

Увеличение богатства не беспредельно, и застой в развитии производства неизбежен. Наиболее богатые и процветающие страны весьма скоро достигли бы состояния застоя, если бы прекратился перелив капитала из этих государств в другие, малоразвитые, страны.

Я вовсе не очарован жизненным идеалом тех, кто считает нормальной жизнью борьбу за преуспеяние и готов физически уничтожить своих конкурентов в этой борьбе, – пишет Милль. Но это необходимая стадия развития цивилизации, и те европейские страны, которым удалось счастливо избежать этой стадии, должны будут всё-таки пройти через неё в будущем, – продолжает он.

А это значит, что бывшие советские республики, шагнувшие из феодализма в социализм, неизбежно вернуться к феодализму.

Наилучшим состоянием общества было бы такое, когда никто не беден и никто не стремится стать богаче.

Это мы уже проходили...

Ничего нет хорошего в том, что человек вынужден постоянно находиться в обществе себе подобных. Возможность время от времени остаться наедине с собой имеет решающее значение для достижения глубины мышления и развития личности.

Если Земля должна потерять огромную часть своего очарования только для того, чтобы прокормить возросшее население, то я надеюсь, что человечество удовлетворится своей неизменной численностью задолго до того, как необходимость заставит его это сделать.

Две противоречащие друг другу теории:

В соответствии с одной из них, судьба беднейших слоёв населения должна определяться за них, а не ими самими ... Предполагается, что это должно входить в обязанность высших классов, которым надлежит за них думать и нести за них ответственность, подобно тому как офицеры несут в армии ответственность за своих солдат ...

Представление о морали и религии простой народ должен получать от своих наставников, которые следят за его обучением и обеспечением его питанием, жильём, одеждой и развлечениями – в обмен на труд и почитание. Таков идеал будущего в представлении тех, чья неудовлетворённость настоящим приобретает форму нежной привязанности к прошлому. Как и другие идеалы, он оказывает воздействия на мысли и чувства многих людей, которые не руководствуются в своей жизни никакими идеалами.

Другая теория – утопическая мечта о светлом будущем для всего человечества, основанном на сознательном труде и самоуправлении:

Как по существу своему неприятна мысль о том, что общество объединяют отношения и чувства, основанные исключительно на денежных интересах, так есть что-то естественно привлекательное в таком обществе, где повсеместно распространены глубокие личные привязанности и бескорыстное самопожертвование, а порядок в обществе поддерживается на основе самоуправления и благоразумия отдельных граждан.

Милль предлагает третью теорию, которая в настоящее время получила название теории народного капитализма: работники предприятия являются держателями акций этого предприятия и получают соответствующую долю прибыли, то есть в значительной степени работают на себя, а не только на капиталиста:

Целесообразно, чтобы те, чьи функции имеют наиболее важное значение для общего дела, обладали бы наибольшей личной заинтересованностью в решении проблем предприятия... Каждый имеет свою выгоду от того, что выгодно предприятию, и теряет на том, что наносит последнему ущерб. Деятельность предприятия самым непосредственным образом превращается в предмет забот каждого из его работников.

Самые сильные привязанности у людей складываются в отношении тех предметов или лиц, которые защищают их от какого-нибудь грозящего им зла. Но чувства привязанности между покровителем и тем, кому он покровительствует не могут сохранить прекрасного и нежного характера, когда нет серьёзных опасностей, от которых нужна была бы защита. Если в прошлом пребывание под чьей-нибудь властью составляло единственное условие безопасности, то теперь именно такое положение часто приводит к вопиющей несправедливости.

**NB Слишком раннее получение политических прав наименее образованными классами может затормозить, а не ускорить их развитие.**

Индивидуальное управление, осуществляемое одним в высшей степени заинтересованным лицом, имеет громадные преимущества в сравнении с коллективным руководством.

Единственное, что может противопоставить кооперация этим преимуществам, – это общая заинтересованность всех работников в деле.

О социализме (1848!):

Я коренным образом не согласен с наиболее безрассудной частью их [социалистов] учения: с их проповедями против конкуренции. Обладая нравственными воззрениями, во многих отношениях опережающими современный общественный порядок, они имеют ошибочные представления о том, как функционирует экономический механизм ... Я не утверждаю, что конкуренция не вызывает неудобств. Возражения против конкуренции с точки зрения морали не совсем беспочвенны. Однако, если конкуренция и вызывает зло (зависть, враждебность между работниками, занятыми одинаковым трудом), она предупреждает возникновение ещё большего зла ... Общая ошибка социалистов состоит в том, что они не учитывают естественного стремления большинства людей к лени, их тенденции к пассивности, превращению в рабов привычки к тому, чтобы следовать по раз и навсегда избранному пути ... Защита от конкуренции означает защиту лени и умственной тупости, отказ от необходимости быть в своей области столь же активным и знающим человеком, как и другие люди ... Конкуренция, возможно, не является наилучшим стимулом, однако в настоящее время [1848, 1948, 2008, 2018] этот стимул необходим, и едва ли в обозримом будущем конкуренция потеряет своё значение как обязательное условие прогресса.

В прошлом – шёл спор о том, как следует формировать правительство, какими принципами оно должно руководствоваться в своей деятельности. Теперь – такую же актуальность приобретает вопрос о том, на какие именно сферы человеческой деятельности должна распространяться власть правительства ... Нередко, даже люди искренне желающие улучшений, предлагают прибегать к мерам принудительного регулирования для достижения целей, которые с успехом могут быть достигнуты и без принуждения.

Идеальное распределение (как и другие принципы совершенства) нельзя претворить в жизнь в полной мере, но в любом практическом исследовании необходимо исходить из знания идеала.

Государство должно использовать инструменты налогообложения для сглаживания неизбежного неравенства, которое несёт с собой богатство. Однако было бы несправедливым облагать более высокие доходы более высоким налогом, потому что это значило бы облагать налогом трудолюбие и бережливость, наказывать человека за то, что он работал лучше и сберёг больше, чем его сосед. Интересы общего блага требуют ограничивать не то состояние, которое заработано трудом, а то, которое достаётся даром [крупный выигрыш в лотерею, крупное наследство и т. п.]

Да, прогрессивный подоходный налог не справедлив по отношению к предприимчивым и активным людям. Но он помогает спасти общество от разрушительной революции, от которой пострадают все – и бедные, и богатые.

Если бы можно было положиться на сознательность налогоплательщиков, то

**NB** наиболее подходящим способом исчисления подоходного налога было бы обложение расходуемой части доходов и освобождение от налогообложения средств, составляющих сбережения

и инвестиции в производство

Часто препятствия, затрудняющие осуществление усовершенствований наиболее предпочтительным для людей способом, исключают осуществление этих усовершенствований вообще ... Трудности достижения идеальной справедливости вовсе не говорят о том, что мы не должны к ней стремиться.

В Англии посредством налогообложения изымается часть средств, но не тех, что предназначены для нужд производства, а тех, что расходуются на приобретение "источников наслаждения жизнью".

В 1857-ом году в Англии освобождались от подоходного налога лица с доходом меньше 100 фунтов стерлингов (а это был тогда средний заработок квалифицированного рабочего).

**NB** Какими бы справедливыми ни были принципы налогообложения, на практике налог оказывается несправедливым в самом худшем смысле слова, если от него страдают самые сознательные налогоплательщики.

**NB** Трудности, связанные с введением справедливого подоходного налога, вызвали к жизни идею о взимании твёрдой процентной ставки от затрат, а не от доходов.

Речь, видимо, идёт о затратах на личное потребление, потому что затраты на развитие производства (включая зарплату, выплачиваемую наёмным работникам), по логике вещей, не должны облагаться никаким налогом.

Та сумма, которую человек готов заплатить за жильё, свидетельствует об уровне всех его доходов и является показателем не только имеющихся в его распоряжении средств, но и того, какие затраты он позволяет себе совершить ["что он может себе позволить"].

Всевозможные ограничения часто нарушают процесс производства, вынуждая производителя осуществлять свою деятельность наиболее удобным для налоговых органов образом, что нередко приводит к повышению затрат и снижению эффективности производства. Любые правила, установленные в законодательном порядке, затрудняют внедрение в производство новых и более совершенных процессов. Меньше всего усовершенствований внедряется в тех отраслях производства, которые в наибольшей степени контролируются налоговыми чиновниками.

**NB** При отсутствии вмешательства со стороны государственной власти, наиболее выгодным с точки зрения общества будет тот способ производства товара, который является наиболее выгодным для производителя этого товара.

Прямые налоги лучше, чем косвенные, хотя бы потому, что при прямом налоге каждый знает, сколько он действительно платит, и если уж он голосует за войну или за другую

дорогостоящую программу, то делает это с полным сознанием того, во что ему это обойдётся. Налогоплательщики, впрочем, не любят прямых налогов, но с лёгкостью позволяют обирать себя с помощью цен на товары.

**!** Притеснение со стороны правительства часто оказывается губительнее для источников общественного благосостояния, чем даже беззаконие и смута в системе свободных институтов.

Тех, кто пережил "беззаконие и смуту в системе свободных институтов" в России 1990-ых гг., убедить в этом будет не так-то легко...

Определённого богатства и прогресса народы достигали даже при таком несовершенном общественном устройстве, которое граничило с анархией. Но ни одна страна, в которой народ подвергается произвольным поборам со стороны правительственных чиновников, не сможет сохранить ни промышленности, ни богатства.

Всеобщая продажность русских чиновников [1848] – это громадное препятствие на пути экономического развития, для которого Россия обладает столь богатыми возможностями.

И социализм тут ни при чём!

Трудности и лишения зачастую служат лишь фактором, побуждающим к труду. Гибельна для труда только уверенность, что ему не позволят принести свои плоды.

Когда страна встаёт на путь промышленного развития, стремление к накоплению за счёт промышленности не нуждается в искусственном возбуждении. Богатство в качестве привычного критерия оценки способностей человека и его успеха в жизни надёжно гарантирует стремление людей к его приобретению.

Общество чувствует себя здоровым не тогда, когда немногие владеют огромными состояниями, а тогда, когда большинство людей обладает умеренным достатком, который все могут надеяться приобрести.

Экономическое благополучие народа в огромной степени зависит от возможности доверять заключённым обязательствам.

Там, где нет конкуренции, производители и торговцы становятся равнодушными даже к тому, что настоятельно требует их собственная денежная выгода, предпочитая самым обнадёживающим перспективам то спокойствие, которым они пользуются, придерживаясь установившейся практики.

Милль не раз возвращается к мысли об экономической несостоятельности идеологической диктатуры, "независимо от того, какое принуждение будет при этом использоваться – противозаконное или основанное на законе".

Не одно и то же – поддерживать официальную церковь и проявлять нетерпимость к другим религиям ... Когда правительство предоставляет средства для достижения

определённой цели, но никому не препятствует использовать иные средства для достижения этой цели, то тут нет никакого ущемления свободы.

Всякое общее заключение неизбежно вызывает терминологические споры. Если "иные средства" предполагают обман или насилие, то правительство, видимо, имеет основания для вмешательства в деятельность религиозных организаций. Возникает однако трудность с тем, что считать обманом. С точки зрения атеиста, любая религия – обман...

**NB** Опыт доказывает, что носители власти, являющиеся избранниками народа, точно так же готовы присвоить себе неограниченную власть и оправдывать своё вмешательство в частную жизнь граждан, как и диктаторы.

**NB** Современная цивилизация столь энергично стремится сделать власть людей, действующих в массе, единственной реальной силой в обществе, что ещё никогда не было более настоятельной необходимости оградить индивидуальную независимость мысли, слова и поступков, чтобы сохранить ту оригинальность мышления и индивидуальность характера, которые составляют единственный источник всякого подлинного прогресса ... Быть может, это даже более необходимо при демократической, чем при другой форме общественного устройства, ибо там, где властвует большинство, притесняемое им отдельное лицо не сможет найти достаточно могущественную соперничающую силу, у которой оно могло бы получить поддержку или вызвать симпатию.

Если это было верно в 1848-ом году, когда правом голоса на выборах в Парламент обладали только 20% англичан, то это должно быть ещё более верно сегодня, когда правом голоса обладают почти все взрослые граждане страны.

Всех тех возможностей, которыми располагает правительство для получения необходимой информации, для выплаты вознаграждения, для привлечения к делу лучших специалистов, оказывается недостаточно для возмещения одного огромного недостатка: меньшей заинтересованности работников в конечном результате деятельности ... Во всех просвещённых обществах подавляющее большинство дел исполняется при вмешательстве правительства хуже, чем если бы они исполнялись лицами, наиболее заинтересованными в этих делах и предоставленными самим себе.

Даже если правительство может собрать в своих ведомствах самые выдающиеся умы и самые энергичные силы нации, всё равно желательно, чтобы большая часть дел общества оставалась в руках лиц, непосредственно в них заинтересованных.

Любое правительство, в целях упрощения руководящей деятельности, стремится к единообразию, а единообразие уничтожает или ослабляет конкуренцию, которая благоприятствует постоянному внедрению усовершенствований в практику любого вида общественной деятельности, будь то материальное производство, торговля, образование, здравоохранение или политическая деятельность.

**NB** Даже если правительство по своим знаниям и способностям превосходит любого отдельного гражданина страны, оно не превосходит всех граждан страны, вместе взятых.

Тот же закон действует в школе: учитель, как правило, знает больше, чем любой ученик в классе, но не больше, чем все ученики этого класса, вместе взятые.



**NB** У народа, не привыкшего к самостоятельной деятельности во имя общего интереса, у народа, который обычно ожидает от своего правительства соответствующих указаний и распоряжений по всем вопросам, представляющим общий интерес, способности развиты лишь наполовину, а его образование неполно в одной из главных своих сторон.

Единственной защитой от политического порабощения является сдерживание управляющих лиц путём распространения образования и общественной активности среди управляемых.

**NB** В той мере, в какой всей реальной инициативой обладает правительство, а люди привыкают чувствовать себя и действовать, словно находясь под его постоянной опекой, демократические учреждения вызывают в них не желание свободы, а необузданное стремление к должностям и власти, отвращая ум и энергию, присущие стране, от их главного предназначения и направляя их к жалкому соперничеству в корыстных целях и из-за мелкого служебного тщеславия.

Всякое вмешательство государства в частную жизнь людей должно быть оправданным, и в каждом конкретном случае бремя доказательства правоты своего мнения должно лежать не на противниках, а на защитниках подобного вмешательства.

Из двух определений свободы – возможность делать всё, что не запрещено законами, или возможность делать всё, что разрешено законами, – Милль, видимо, выбирает первое. Однако он противоречит себе, оправдывая вмешательство государства в вопросы образования:

Необразованный человек не может быть судьёй в вопросах образования. Те люди, в которых сказывается недостаток умственной культуры, обычно менее всего желают её. Образование является одной из тех вещей, относительно которых в принципе допустимо, чтобы правительство доставляло их народу.

Другими словами, Милль (который, кстати, сам никогда не учился ни в школе, ни в университете) хочет, чтобы правительство заставляло людей учиться. Но то же самое можно сказать о чём угодно! Только заядлый рыбак будет сидеть в лютый мороз у лунки. Человек, безразличный к рыбалке, не может быть судьёй в вопросах рыбной ловли. Так, что же? Государство должно насаждать и распространять это (в чём-то полезное) увлечение, подобно тому, как оно распространяет образование?

Государственное вмешательство в школьные дела оправдывается интересами управляющих, а не управляемых. И если по отношению к школе такое вмешательство ещё можно как-то оправдать (всё-таки там имеют дело с неразумными детьми), то вмешательство государства в вопросы высшего образования я считаю совершенно недопустимым (студенты вузов – это взрослые люди, которые способны и должны отвечать за свои действия). Конечно, государство, как и любая другая организация (или любой человек со средствами), может открывать свои вузы и определять в них программу и условия приёма студентов, но оно не вправе распространять свои нормы и правила на те вузы, которые ему не принадлежат. Никакие государственные аттестации и аккредитации никому, кроме правительственных чиновников, не нужны. В конечном итоге, рынок рабочей силы сам определит, какие специалисты и в каком количестве нужны обществу. Милль и сам это хорошо понимает:

Следует со всем упорством настаивать на том, чтобы правительство не монополизировало образования на каких бы то ни было уровнях, низших или высших; чтобы оно не употребляло свою власть и влияние, вынуждая людей обращаться к учителям, которых правительство назначает; чтобы оно не предоставляло никаких преимуществ тем, кто получил воспитание и образование в государственных школах ... Желательно оставить открытыми как можно больше путей к намеченной цели. **NB** Положение при котором государство имело бы de jure или de facto неограниченную власть над народным образованием, совершенно нетерпимо, потому что правительство, которое может формировать убеждения и чувства людей с раннего возраста, в состоянии делать с ними всё, что угодно.

При бесплатном образовании, совершенно так же, как и при безвозмездном питании, ослабляется побуждение к трудолюбию и самоограничению.

Покупатель является наилучшим судьёй предметов, предназначенных для удовлетворения его потребностей.

За редким исключением, большинство людей составляет более верное и более здравое суждение о своём собственном интересе и о средствах его обеспечения, чем то, которое может быть предписано им государственным чиновником.

Образование, когда оно правильно поставлено, укрепляет и расширяет деятельные способности человека. Каким бы способом оно ни было получено, воздействие, оказываемое им на ум, благоприятствует духу независимости.

**NB** В конечном итоге, каждому человеку выгодно делать то, что хорошо для всех, но только тогда, когда и другие люди поступают таким же образом.

**!** Поскольку государство, по необходимости, должно содержать неимущего преступника, пока он отбывает своё наказание, то не делать того же для бедняка, который не совершил никакого преступления, значит вознаграждать за преступление... Но если человек, получающий помощь от государства, живёт не хуже, чем работник, своим трудом обеспечивающий себе средства к существованию, то такая система в корне подрывает трудолюбие и, в качестве дополнения, требует организовать систему принуждения рабочих к труду, потому что, избавленные от нужды, они не будут иметь тех побудительных мотивов, которые заставляют их действовать.

Правительство должно помогать тем, кто нуждается в помощи и брать на себя то, что важно для интересов грядущих поколений, однако прежде, чем браться за такие дела, правительству следует определить, можно ли достичь тех же результатов на основе частной инициативы.

\* \* \*

"Основы политической экономии" Милля (М., 1980) я читал очень давно и к настоящему времени (2017) мало что помню – особенно в том, что касается собственно политэкономии, но помню, что прочитал я эту книгу с огромным удовольствием – все три тома. Вдохновенный гимн свободе и

демократии, волнующая хвала неустанной работе ума и души, торжественная ода политической мудрости, поразительное сочетание торжества человеческого духа с суровыми законами борьбы за жизнь – всё это прекрасно согласовывалось с моими собственными размышлениями и выводами... Работы классиков западноевропейского либерализма в советское время почти не публиковались, а многие из этих работ не были даже переведены на русский язык. Книга Милля была для меня откровением, потому что живо перекликалась с тем, о чём я и сам неоднократно думал. При всех моих тогдашних иллюзиях, уже в то время мне было ясно, что уравнилельный социализм не сможет справиться с очень сложной задачей: стимулировать людей к труду и техническому прогрессу. В сталинские времена эти "стимулы" были простыми: или работай за нищенскую зарплату на государственном предприятии – или работай за бесплатно в тюремном лагере. Но в 1970-ых годах страха перед лагерями уже не было, а никаких других стимулов к добросовестной работе тоже не было: и лентяй, и трудяга получали одинаковую зарплату и жили в одинаковых условиях... Всем стало ясно, что мечта осчастливить всё человечество путём отмены частной собственности – это очередная утопия, каких уже много было в истории общественно-политической мысли. Лозунг утилитаристов "Наибольшее счастье для наибольшего числа людей" стал и моим лозунгом...

В этой книге можно найти много интересных мыслей, касающихся самых разных аспектов общественного развития, и мне доставляет удовольствие перечитывать свои выписки и комментарии к ним. Многие актуально и сегодня (2017) – тем более, можно представить себе, какими глазами я всё это читал тридцать лет назад, живя в тоталитарном обществе, в котором господствовала "единственно верная" и "непобедимая" идеология.

Сказанное относится и к другой классической книге Милля – "О свободе". Я могу себе только представить, в каком восторге я был бы от этой книги, если бы прочитал её в молодости. Однако сегодня (2017), познакомившись с трудами и других классиков либерализма, я читал её с некоторым разочарованием. Книга эта очень умная, она будит мысль, и я внимательно прочитал её дважды. Со многим можно согласиться в теории, но как только автор обращается к практическим примерам, так возникают вопросы и сомнения...

## "О СВОБОДЕ" (1859)

Главная мысль Милля, к которой он всё время возвращается, – общество не вправе вмешиваться в частную жизнь человека, коль скоро его действия не наносят вреда другим людям и не ущемляют прав его сограждан.

Проблема, однако, заключается в том, что, говоря словами самого же Милля,

"всё, что делает для человека ценным его существование, обусловлено наложением ограничений на свободу действий других людей"...

"Никто не станет утверждать, – пишет Милль, – что действия должны быть так же свободны, как и мнения, но даже сами мнения утрачивают свою неприкосновенность, если выражение их становится прямым подстрекательством к какому-нибудь вредному действию. Индивидуальная свобода должна быть ограничена: индивидуум не должен быть вреден для людей, но если он воздерживается от всего, что вредно другим [???], то для него необходима полная свобода действий"...

Размышляя о свободе, Милль замечает, что в древние времена под свободой разумели охрану против тирании, думая, что "правители по самому положению своему необходимо должны иметь свои особые интересы, противоположные интересам управляемых",

поскольку политическую власть в те времена получали по наследству или вследствие завоеваний, а не вследствие желания управляемых.

Образно говоря, "признавалось необходимым существование в обществе такого хищника, который был бы довольно силён, чтобы сдерживать других хищников", но так как и этот царь хищников был не прочь поживиться за счёт охраняемого им стада, то каждый член общины должен был быть постоянно настороже, опасаясь его клюва и когтей... В те времена главная цель борцов за свободу заключалась в том, чтобы ограничить власть политических правителей: "либеральные устремления не шли далее конституционных ограничений, пока человечество противопоставляло одного врага другому". Наконец "было признано за лучшее, чтобы правители государства избирались управляемыми и сменялись по их усмотрению. Установилось мнение, что только этим путём и можно предохранить себя от злоупотреблений власти". Борьба за свободу утратила своё прежнее значение борьбы управляемых против управляющих и стала борьбой за установление таких правительств, которые бы избирались на определённое время самими управляемыми. Полагали, что правителям, которые ответственны перед народом и которых он может сменять по своему усмотрению, можно доверить власть без всяких ограничений: "не будет же народ тиранить сам себя". Такое мнение могло казаться аксиомой, пока народное правление существовало только как мечта, но когда образовались обширные демократические республики, люди заметили, что "народ, облечённый властью, не всегда представляет тождество с народом, подчинённым этой власти".

"Успех нередко разоблачает такие пороки и недостатки, которые при неуспехе легко укрываются от наблюдения".

Воля народа есть воля большинства, а большинство "может иметь побуждения" угнетать меньшинство, следовательно **NB** против злоупотреблений власти большинства так же необходимы меры, как и против злоупотреблений всякой другой власти.

"Во всех обществах, где один класс господствует над другими, большая часть общественной нравственности обусловлена интересами господствующего класса". Симпатии и антипатии наиболее могущественной части общества – вот что определяет, какие именно правила обязаны соблюдать индивидуумы под страхом навлечь на себя преследования со стороны закона или общественного мнения.

Действие привычки устраняет в людях всякое сомнение относительно непреложности господствующих правил поведения. Ссылаются на то, что так думают и другие люди, однако то обстоятельство, что известное мнение разделяется многими людьми, несколько не доказывает истинности этого мнения.

С этим можно согласиться, но при всеобщем избирательном праве "заблуждения, разделяемые большинством, имеют большее практическое значение, чем истины, известные немногим" (не помню, кто это сказал)...

Когда возникает вопрос о правительственном вмешательстве по какому-нибудь частному случаю, одни становятся за вмешательство, другие – против. По неимению принципа,

который бы руководил их суждением, обе стороны часто впадают в заблуждение и обращаются к правительственному вмешательству, когда этого не следует делать или осуждают правительственное вмешательство, когда оно вовсе не заслуживает осуждения. Принцип, на котором должны основываться отношения между обществом и индивидом, заключается, по мнению Милля, в том, что общество может вмешиваться в действия индивида только ради самосохранения, чтобы предупредить с его стороны такие действия, которые вредны для других людей. Когда поступок человека вредит интересам других людей, общество, без сомнения, имеет право вмешаться, – говорит Милль.

Но на практике это означает всегда! Человек не нарушает интересов других людей только если он живёт в полном одиночестве на необитаемом острове! Если алкоголик не бьёт жену и детей, а вполне мирно пропивает семейное достояние, разве это не наносит вреда другим людям? Если гомосексуалист овладевает мальчиком без всякого насилия, а лишь с помощью дорогих подарков, разве это менее омерзительно? Если профсоюзный лидер организует мирную забастовку железнодорожников, разве это не нарушает прав пассажиров? Любое, практически любое действие индивида, даже "хорошего" индивида, так или иначе приносит "вред" другим людям. А ведь есть ещё зависть – "самая антисоциальная и самая гнусная из всех страстей"...

Говоря об "индивидуумах", Милль всегда имеет в виду благополучных, образованных и законопослушных граждан, которые могут контролировать свои поступки и способны предсказывать последствия своих действий... Но в обществе, к сожалению, существуют и другие "граждане"... И Милль это сам признаёт. Более того, по его мнению, даже "деспотизм может быть оправдан, когда речь идёт о народах варварских и когда его действия имеют целью прогресс и приводят к прогрессу".

Другими словами, дикарям свободу давать нельзя, их надо держать в цепях и в клетках, как диких зверей.

"Свобода не применима как принцип, когда люди не способны к саморазвитию путём свободы", – пишет Милль.

А это означает, что одинаковая свобода для всех – это миф, иллюзия, утопия, а на практике – обман...

"Я признаю пользу верховным судьёй для разрешения всех этических вопросов, т.е. пользу в обширном смысле – ту пользу, которая имеет своим основанием постоянные интересы, присущие человеку как существу прогрессивному", – пишет Милль.

Прекрасная мысль, с которой в теории нельзя не согласиться, но как установить на практике перечень тех "постоянных интересов", которые присущи всем без исключения людям? Если жизнь и здоровье входят в этот перечень, то разве общество не вправе остановить самоубийцу или принудительно лечить наркомана? А между тем,

"никто не имеет права принуждать индивидуума что-либо делать или чего-либо не делать на том основании, что от этого ему самому было бы лучше", – пишет Милль, – а "каждый индивидуум есть лучший сам для себя охранитель своего здоровья, как физического, так и умственного, и духовного".

Каждый? Сомневаюсь... Предоставляя каждому (каждому?!) "жить так, как он признаёт за лучшее, человечество гораздо более выигрывает, чем принуждая каждого жить так, как признают за лучшее другие", – уверен Милль, который под "каждым" понимает, видимо, лучших из людей...

"Только такая свобода и заслуживает названия свободы, когда мы можем стремиться к достижению того, что считаем для себя благом, и стремиться теми путями, какие признаём за лучшие, – с тем только ограничением, чтобы наши действия не лишали других людей их блага"...

Красиво звучит в теории. Но есть ли хоть что-нибудь такое, к чему мы могли бы стремиться, не нарушая чьих-либо прав или интересов? Не говоря уже о тех "путях, какие мы признаём за лучшие"... Проблема в том, что нет и не может быть никакой универсальной, общечеловеческой этики, непреложных истин и обязательных для всех этических правил. Любая практическая этика, предполагает, что все этические правила и принципы не абсолютны, а относительны. То что кажется нормальным одному человеку, представляется чудовищным другому. То, что один считает преступлением, другой считает проступком. И нет в человеческом обществе никакого другого основания для различения добра и зла за исключением мнения большинства. Да, "тирания большинства" возможна. Да, против неограниченного всевластия большинства надо принимать какие-то меры. Но устранить волю большинства из демократического общества невозможно, как в принципе невозможно обеспечить равные права всем – и глупцам с добрыми намерениями, и "невинным жертвам несправедливых социальных условий" (то есть убийцам, грабителям, и насильникам).

Ещё в середине XIX века Милль заметил "возрастающую склонность к расширению господства общества над индивидуумом" и сделал довольно-таки мрачное, но верное предсказание: "так как средства к порабощению индивидуума не только не уменьшаются, но, напротив, всё более и более растут, то мы должны ожидать, что при таких условиях господство общества над индивидуумом будет всё более и более увеличиваться".

И это было сказано ещё до изобретения телевидения и "политтехнологий"...

В жизни человека есть такая сфера, – пишет Милль, – которая не имеет никакого отношения к интересам общества". Сюда он относит свободу совести, свободу мысли, чувства, мнения, свободу выражать и опубликовывать свои мысли, свободу действовать сообща с другими индивидуумами для достижения какой-либо цели, которая не вредна другим людям.

И опять я бы сказал – большинству других людей, потому что всегда найдутся люди, которым наша "свобода действовать сообща с другими индивидуумами для достижения какой-либо цели" причиняет, по меньшей мере, неудобство...

Пожалуй, единственное занятие, которое, на первый взгляд, не причиняет другим людям никакого вреда – это чтение и размышление, вот почему любое общественное вмешательство в этот процесс вызывает наиболее острую и, видимо, наиболее обоснованную критику со стороны либералов.

"Не свободно то общество, какова бы ни была его форма правления, в котором индивидуум не имеет свободы мысли и слова", – пишет Милль.

Казалось бы, трудно против этого что-нибудь возразить. Но что делать, если свобода слова приводит к мятежам и восстаниям?

На практике, освободившись от одного бога, многие люди начинают поклоняться другому. Во все века общество с подозрением смотрело на людей иной веры, и особенно на тех, кто не придерживается никакой религии:

Людам свойственна "нетерпимость во всём, что близко их сердцу", и "едва ли когда-нибудь религиозная свобода существовала иначе, как благодаря религиозной индифферентности"... В нетерпимости нашего общества заключается главное зло, – пишет Милль.

За исключением людей, имеющих средства к существованию, для всех остальных осуждение общества равносильно легальной каре. Здесь вся разница в том, что людей не сажают за их мнения в тюрьму, а просто не берут на работу и тем самым лишают их насущного хлеба...

"Свобода печати есть одна из необходимых гарантий против правительственного произвола или притеснения... Народ не должен терпеть, чтобы какая бы то ни было законодательная или исполнительная власть предписывала ему иметь известные мнения или определяла бы, какие мнения и доктрины могут свободно доходить до его слуха и какие нет". Даже если правительство и народ находятся между собой в полном единении, даже если правительство накладывает ограничения на свободу слова только по требованию народа, то и в таком случае всякое стеснение свободы слова нетерпимо. Человечество имеет не более прав заставить молчать индивидуума, чем индивидуум имеет прав заставить молчать всё человечество, – патетически восклицает Милль.

Но как же быть с теми случаями, когда свободная пропаганда вражды, ненависти, нетерпимости и насилия приводит к неисчислимым человеческим жертвам и страданиям?.. Очевидно, Милль предполагает, что его умным, добропорядочным и законопослушным "индивидуумам" никогда и в голову не придёт пропагандировать ненависть и насилие. Им, может быть, и не придёт...

Люди охотно признают, что могут ошибаться, но мало кто принимает какие-нибудь меры предосторожности против своих ошибок. Почему же между людьми преобладают рациональные мнения и рациональный образ действий? Потому что люди способны исправлять свои ошибки...

Люди, облечённые властью, привыкшие к тому, что окружающие часто соглашались с их мнением, обыкновенно, "питают к своим личным мнениям безграничное доверие". Решать какой-либо вопрос за других и не позволять им высказывать возражения на это решение – значит признавать себя непогрешимым. К таким именно случаям и относятся те примеры истории, когда сила закона употреблялась на гибель самых лучших людей, а "умственное состояние современного общества не представляет нам никаких ручательств, чтобы самые даже худшие орудия легального преследования не могли быть снова употреблены в дело..."

Ещё одно мрачное пророчество, которое, к сожалению, сбылось в Советском Союзе.

Преследование со стороны властей действует одинаково успешно против всякой пропаганды – истинной или ложной. Преимущество истины над заблуждением состоит только в том, что с течением времени могут явиться люди, которые позволят ей достаточно окрепнуть, чтобы выдержать преследование...

Милль, очевидно, думает, что есть такие истины, которые хороши во все века для всех народов... Хотя он в то же время пишет:

"Как теперешний век отвергает многое, что составляло некогда общепризнанную истину, так и будущие века, несомненно, отвергнут многое, что составляет общепризнанную истину нашего века". Для Милля "не существует никакого другого ручательства в истинности какого бы то ни было мнения, кроме того, что каждому человеку предоставляется полная свобода доказывать его ошибочность, а между тем ошибочность его не доказана". Если критика оказалась бессильной, то это ещё не значит, что мы обладаем истиной, но, по крайней мере, мы сделали всё для её достижения. Полная свобода возражать на мнение составляет условие, необходимое для уверенности в его истинности, – пишет он. Наша нетерпимость приводит к тому, что люди начинают скрывать свои мнение. Даже самые деятельные люди и пытливые умы вынуждены в условиях нетерпимости связывать свои мнения с такими послылками, от которых они внутренне давно уже отrekliсь. Сколько одарённых людей нам приходится встречать, которые тратят все свои силы в попытках согласовать с ортодоксией выводы своего разума! – горестно восклицает Милль, – а между тем истина больше выигрывает от заблуждений таких людей, чем от правильных суждений тех, кто не дерзает мыслить самостоятельно...

Бывали и снова могут явиться великие мыслители и при общем умственном рабстве, но при этом рабстве никогда не было и не может быть умственно развитого народа. Если какой-либо народ достигал когда-нибудь в большей или меньшей степени умственного развития, то только потому, что он был, хотя бы на время, свободен от страха перед еретическими мнениями, например, когда прежний умственный деспотизм был ниспровергнут, а новый ещё не успел установиться. Умственная деятельность этих эпох и сделала Европу тем, чем она стала теперь. А там, где обсуждение величайших вопросов человеческой жизни считается завершённым, там нельзя надеяться на развитие умственной жизни. Без умственной свободы нельзя ожидать возрождения умственной жизни...

Простым людям достаточно знать главные основания истины, а остальное они могут принять на веру, – пишет Милль.

И вправду, 99% процентов нашего знания есть не знание, а вера. Я, например, никогда не измерял температуру кипящей воды, но я знаю, что вода кипит при 100°C, а точнее было бы сказать, я верю, что вода кипит при 100°C, – верю тем людям, которые измеряли эту температуру...

Даже при изучении природы, – пишет Милль, – возможны различные объяснения одних и тех же фактов, а истина достигается во многом путём сравнения противоположных аргументов. Но каким же образом могут быть опровергнуты ложные мнения, если они не могут быть высказаны?

Никто не станет утверждать, что действия должны быть так же свободны, как и мнения, – пишет Милль, – но даже сами мнения утрачивают свою неприкосновенность, если выражение их становится прямым подстрекательством к какому-либо вредному действию.



И тем не менее, в другом месте он заявляет, что "надо установить полную свободу писать и печатать всё, без всякого ограничения"...

Интересны размышления Милля о судьбе всех этических учений и идеологий. Для первых учителей и для их непосредственных учеников их доктрины полны смысла и жизни, особенно – пока длится их борьба с другими доктринами. Но когда они достигают победы и их доктрины становятся общепризнанной истиной, они уже не слушают возражений своих противников. "С этого момента и начинает вымирать бывшая в них живая сила". Когда вера становится предметом, передаваемым по наследству, тогда начинает обнаруживаться в верующих наклонность держаться исключительно формул, забывая их смысл... "Окончательное достижение цели губит самую цель".

Ну не то же ли самое произошло с марксизмом в Советском Союзе?!

Милль считает различие во мнениях полезным, потому что любая доктрина частью истинна, а частью ложна. По предметам, которые не подлежат нашим чувствам, общепринятые мнения часто бывают истинны, но никогда не заключают в себе всей истины, – пишет Милль. То, что мы называем прогрессом, – продолжает он, – заключается по большей части не в росте истины, а только в замене какой-либо частной, неполной истины, другой, и всё улучшение состоит в том, что новый осколок истины более нужен, более соответствует потребностям времени, чем тот, который он заменил. Всегда найдутся люди, которые, усвоив себе ту или иную часть истины, будут утверждать, что это и есть вся истина, будут навязывать её другим и действовать так, как будто бы в мире нет никакой другой истины, – пишет Милль. О христианской нравственности он замечает, что правилами её предписывается скорее воздержание от зла, нежели энергичное стремление к добру: "ты не должен" преобладает над "ты должен".

Когда люди вынуждены выслушивать обе стороны, то есть надежда, что они познают истину; но когда они слышат только одну сторону, тогда заблуждения их укореняются, превращаясь в предрассудки, а истина утрачивает свойства истины и, вследствие преувеличения, становится ложью. Делая себя недоступной критике, любая доктрина подвергает себя опасности утратить свой смысл, ослабить, и даже полностью утратить своё влияние на поступки людей.

**NB** "В политике теперь стало уже почти общим местом, что партия порядка (или сохранения status quo) и партия прогресса (или преобразования) суть два элемента равно необходимые для здорового состояния политической жизни... Противодействие их друг другу главным образом и сдерживает их в должных пределах".

"По всем великим практическим вопросам жизни истина заключается преимущественно в примирении и соглашении противоположностей".

**NB** Мнения, которые противоречат общепринятым мнениям, чтобы их выслушали, должны выражаться как можно умереннее.

Вильгельм Гумбольдт писал, что "конечная цель" человека состоит в гармоническом развитии всех его способностей. Только тот имеет надобность во всех своих

способностях, кто сам устраивает свою жизнь, – добавляет Милль. Люди должны быть обучаемы и воспитываемы в их молодости так, чтобы они могли воспользоваться всеми результатами человеческого опыта. Там, где люди живут и действуют не сообразно со своими характерами, а сообразно с обычаями, там отсутствует самый главный ингредиент социального прогресса. Большинство, довольное существующими порядками (потому что оно же их и создало), не понимает, почему эти порядки не удовлетворяют всех и каждого. И тем не менее, даже многие социальные реформаторы не дают в своих "идеальных" государствах места индивидуальной самобытности. А между тем, "способность человека понимать, что хорошо и что дурно, упражняется только тогда, когда человек делает выбор". Индивидуальное развитие возможно только тогда, когда индивидуум имеет свободу вести такой образ жизни, какой он признаёт для себя наилучшим. И чем большую степень свободы предоставлял индивидууму тот или другой век, тем большую цену имел этот век в глазах потомства. Жизнь человеческая с развитием индивидуальности становится полнее, богаче, разнообразнее

и, в конечном итоге, счастливее – добавил бы я.

Говоря о судьбе народов Востока, Милль замечает, что эти народы были когда-то прогрессивны, но потом остановились в своём развитии. Когда? Тогда, когда у них перестала существовать индивидуальность.

Звучит красиво, хоть и неправда. Индивидуальность у народов Востока никогда не пользовалась уважением... А вот с тем, что Европа обязана своим прогрессивным развитием разнообразию путей, ведущих к одной и той же цели, я бы согласился.

"Даже если люди не пользуются индивидуальной свободой, они могут многому научиться от тех, кто ею пользуется".

Никто не скажет, что гений не заслуживает удивления, но при этом едва ли не каждый думает про себя, что нет никакой надобности в этом гении, что очень хорошо можно обойтись и без него. Гениальные люди всегда были и всегда будут в меньшинстве, но чтобы иметь их хотя бы в меньшинстве, необходимо сохранять ту почву, которая их растит. Гении могут свободно дышать только в атмосфере свободы. Дух улучшения не всегда есть дух свободы, потому что можно стремиться и к насильственному улучшению, вопреки желанию тех, кого это улучшение касается, и тогда дух свободы, сопротивляясь этому улучшению, может даже временно оказаться заодно с противниками улучшения... Всё, чего гениальный человек может справедливо себе требовать, – это свободы указывать путь другим людям. Но принуждать людей идти по этому пути – несовместимо со свободой и непримиримо с достоинством гениального человека.

И индивидуум, и общество не преступят должных пределов, если будут простирать свою власть только на то, что их ближе касается, – пишет Милль. Та часть человеческой жизни, которая касается главным образом индивидуума, должна составлять достояние индивидуальности, а та, которая касается главным образом общества, должна подлежать ведению общества. Тот факт, что индивидуум живёт в обществе, делает для него неизбежной обязанность исполнять известные правила поведения по отношению к другим людям. Но идеальное общество предоставляет каждому индивидууму полную свободу

действовать по своему усмотрению, когда его действия не вредят другим людям, и во всех тех случаях, которые представляют какое-нибудь сомнение. Нам могут возразить, – продолжает Милль, – что поступки индивидуума ни в коем случае не могут не касаться в большей или меньшей степени других людей, которые живут с ним в одном обществе; что индивидуум не может быть совершенно уединён от других людей; что причиняя зло себе, он тем самым причиняет зло близким ему людям; что, наконец, если индивидуум своими пороками и не делает прямого вреда другим людям, то он вредит уже тем, что подаёт дурной пример.

Ни на одно из этих возражений Милль, по существу, не отвечает. Но он прав, когда говорит, что

"нет такого нарушения свободы, которое невозможно было бы оправдать"...

Причина этого безвыходного положения заключается, на мой взгляд, в том, что Милль постоянно имеет в виду какие-то универсальные, вечные моральные ценности. Нет никаких абсолютных моральных ценностей! Есть только "баланс интересов" – спасительное равновесие, которое существует в данном обществе, в данное время. Когда это равновесие нарушается, общество проходит через кровавый кошмар гражданских войн и революций...

"Настоящее поколение есть полный хозяин судьбы грядущего поколения". И хотя настоящее поколение не может сделать грядущее совершенством мудрости и доброты (потому что само испытывает недостаток и в том, и в другом), оно имеет достаточные силы, чтобы сделать будущее поколение хотя бы немного лучшим, чем оно само.

Милль считает конкуренцию полезной для развития общества и не признаёт за проигравшими в конкурентной борьбе права на возмещение "вреда". Общество должно здесь вмешиваться только тогда, когда победивший в соревновании прибегал к обману или насилию.

Милль очень остроумно объясняет распространение в обществе социалистических идей:

известно, – пишет он, – что между дурными работниками (а они составляют большинство) распространилось то мнение, что дурной работник должен получать ту же заработную плату, что и хороший ... Вполне возможно, – предсказывает он, – что в обществе образуется такое большинство, которое будет считать позором иметь собственность выше известного незначительного размера...

Может ли свобода быть стесняема ради предупреждения преступлений и несчастных случаев? – спрашивает Милль. По-видимому, может, – отвечает он и снова оказывается в безвыходной ситуации, натолкнувшись на противоречие между интересами общества и личности... Одно из двух, – говорит он, – или действие дозволительно или оно не дозволительно.

А почему бы не допустить третьей возможности: действие дозволительно, но только в определённых пределах?.. Ведь "необходимые требования жизни" всё равно заставляют нас на каждом шагу отречься от нашей свободы или соглашаться на то или иное её ограничение...

Касаясь вопроса о пределах вмешательства государства в дело воспитания подрастающего поколения, Милль остроумно замечает, что часто на споры о воспитании тратятся время и труд, которые могли быть потрачены на само воспитание. Последние страницы книги полны самых мрачных предсказаний относительно будущего государственного вмешательства в этот процесс.

Всякая попытка со стороны государства дать то или иное направление мнениям своих граждан есть зло, – пишет Милль.

Что касается религии или политики,

а я бы добавил сюда ещё историю, литературу и философию,

то экзамены по этим предметам должны оставлять в стороне вопросы об истинности или ложности того или иного мнения, ограничиваясь лишь фактической стороной дела: такие-то писатели держались по известному вопросу такого-то мнения на таких-то основаниях.

Ну а всё остальное звучит так, как будто автор только что вернулся из поездки в будущий Советский Союз!

Общее казённое воспитание, – пишет Милль, – ведёт к тому, чтобы сделать всех людей похожими друг на друга, сформировать всех на один образец, а именно на тот, который нравится господствующей власти. Правительственная деятельность всегда, во всём и повсюду имеет склонность к единообразию. Всякое расширение правительственной деятельности усиливает правительственное влияние на индивидуумов, увеличивает число людей, возлагающих на правительство свои надежды и опасения, превращает деятельных и честлюбивых членов общества в простых слуг правительства. Если бы всё было делом правительственным, свобода исчезла бы.

Если правительство возьмёт на себя удовлетворение всех общественных потребностей и если при этом оно привлечёт к себе на службу самых способных людей, тогда в государстве образуется многочисленная бюрократия, а вся остальная часть общества будет ждать от неё советов и указаний, как и что ей делать; честлюбие самых способных и деятельных членов общества обратится на то, чтобы вступить в ряды этой бюрократии и, раз вступив, подняться как можно выше по ступеням её иерархии. При таком порядке вещей вся та часть общества, которая находится вне бюрократии, делается совершенно неспособной обсуждать или сдерживать бюрократическую деятельность. **NB** Там, где всё делает за народ бюрократия, там не может быть сделано ничего из того, что противно интересам бюрократии. И чем совершеннее эта организация, чем успешнее воспитывает она людей для своих целей, тем полнее всеобщее порабощение... Поглощение всех лучших способностей страны в правительственную корпорацию рано или поздно делается бедственным для умственной и прогрессивной деятельности самой этой корпорации. Руководствуясь в своих действиях раз и навсегда установленными правилами, правительственная корпорация подвергается постоянному риску впасть в беспечную рутину, превратиться в мельничную лошадь. Единственное, что может сдерживать эти наклонности бюрократии, – это постоянная критика её со стороны других, не менее сильных личностей, находящихся вне этой бюрократии...

Заинтересованные лица всегда лучше, чем правительство, сделают всякое дело, которое до них касается. Никто так не способен управлять каким-либо делом, как те, кто имеет в этом деле личную заинтересованность. Идеал государственной организации Милль видит в как можно большем раздроблении и децентрализации власти, но с возможно большей централизацией знания. Во всём, что не предусмотрено общими правилами, местные руководители должны быть предоставлены своему собственному суждению. Центральная власть должна не столько управлять, сколько наблюдать за исполнением законов.

Джон Стюарт Милль не говорит прямо, каким образом общество может прийти к этому желательному состоянию. Но один из главных путей – совершенствование самих членов общества, потому что "государство всегда бывает не лучше и не хуже, чем индивидуумы, его составляющие".

\*\*\*

### "РАССУЖДЕНИЯ О ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОМ ПРАВЛЕНИИ" (1861)<sup>6</sup>

Бывают случаи, когда народ, хотя и не противится известной форме правления, однако не расположен или не способен выполнить даже элементарные требования, необходимые для её существования. Народ может предпочитать свободную форму правления, но если он (вследствие нерадения, беззаботности, малодушия, недостатка духа общественности) не желает бороться за неё; если в момент отчаяния или в порыве увлечения он может сложить свою свободу у ног хотя бы и великого человека и облечь его властью, которая даёт этому человеку возможность ниспровергнуть свободные установления, – то в этом случае народ не дорос до свободы; и хотя кратковременное пользование ею могло послужить ему ко благу, однако долго свобода продержаться при таких условиях не может.

Кажется, что всё это написано о России...

Варварский народ, хотя до известной степени и восприимчивый к преимуществам цивилизованного строя, может быть неспособным к самоограничению, которого этот строй требует.

Народ, который не хочет активно содействовать закону и властям в преследовании преступников, может пользоваться только ограниченной свободой.

Слабое развитие общественности у народа, вышедшего из состояния дикости, чаще всего бывает результатом дурного управления, которое приучило людей смотреть на закон как на нечто, созданное не для их блага, а на его охранителей – как на более опасных врагов, чем нарушители закона.

Кажется, что и это написано о России...

---

<sup>6</sup> Джон Стюарт Милль. "Рассуждения о представительном правлении". Челябинск : "Социум", 2006.

Представительные учреждения окажутся недействительными и будут служить лишь орудием тирании и интриг, если большинство избирателей не желает участвовать в выборах.

Люди охотнее исполняют то, к чему они привыкли. Но они постепенно привыкают делать и то, что для них ново. Однако мера восприимчивости к новизне и умения приспособливаться к новым условиям у разных наций развита далеко не равномерно.

Народ может быть не подготовлен для хороших установлений, но расположение к ним должно быть необходимым условием этой подготовки ... Мудрые правители должны уметь предупредить желания, не соответствующие способностям народа.

Один человек, у которого есть убеждения, стоит девяноста девяти, у которых есть только интересы.

Не изменением материальных интересов, а распространением нравственных идей был положен конец торговле неграми в Британской империи. Да и в России крепостные крестьяне были обязаны своим освобождением распространению более просвещённого взгляда на истинные интересы государства.

Английский парламент отменил рабство во всех британских колониях ещё в 1833-ем году. Для возмещения материальных потерь рабовладельцам было выплачено в качестве денежной компенсации 20 миллионов фунтов стерлингов (124 миллиона руб. серебром) по тогдашнему вексельному курсу) ... В России до отмены рабства было ещё далеко, но в 1833-ем году вышел Указ о запрещении продажи крепостных крестьян с публичного торга. Запрещена была их продажа без земли, а также продажа разным владельцам членов одной семьи.

**NB** Правительственные функции у отсталых народов обширнее, чем у передовых.

Когда говорят о прогрессе как об одной из потребностей человеческого общества, то под ним подразумевают совершенствование.

Что такое порядок? ... Власть, которая не умеет заставить повиноваться своим распоряжениям, не управляет. Но хотя порядок – это необходимое условие всякого управления, он не составляет его цели.

Прогресс предполагает порядок. Но порядок не предполагает прогресса. Приобретая или стараясь приобрести известное благо, мы можем одновременно утратить другие блага. Материальный прогресс может сопровождаться понижением уровня нравственности.

Значительные успехи могут быть устойчивы только в том случае, если общество охраняет их с такой же энергией, с какой оно их достигло. То, что предоставлено самому себе, неминуемо погибает.

Если мы желаем увеличить сумму нашего благосостояния, то прежде всего нам следует позаботиться о сохранении того, что мы уже имеем.

Надёжная охрана права собственности является одним из главных условий и одной из главных причин процветания производства.

В одних характерах преобладает осторожность, в других – смелость. В одних преобладает желание сохранить то, что они уже имеют, в других – желание новых достижений. Есть и такие, которые более заботятся о будущем, чем о настоящем. Все люди годятся для целей управления, если при этом не будет нарушено естественное равновесие.

Если мы спросим себя, от каких причин и условий зависит хорошее управление, то мы легко убедимся, что главное, наиболее существенное из них – это качества людей, образующих общество, для которого предназначено данное правительство.

Какое значение могут иметь правила судопроизводства, если свидетели дают ложные показания, а судьи берут взятки? Какую цену может иметь демократическая представительная система, если избиратели голосуют не за лучших людей, а тех, кто израсходовал больше денег на избирательную кампанию?

**NB** Если контролирующие чиновники так же продажны, как и те, которых они контролируют, если общество слишком невежественно и пассивно, то мало будет пользы даже от самого лучшего административного устройства.

**NB** Идеальное устройство какого-нибудь общественного учреждения заключается в том, чтобы интересы служащих в нём чиновников совпадали с их обязанностями. Никакая система сама по себе нам этого не даст, но ещё менее можно этого достигнуть без системы, искусно приспособленной к упомянутой цели.

Форму правления следует оценивать по её действию на людей – по тому, как она влияет на граждан и как она пользуется ими. Представительная форма правления служит средством воспользоваться для правительственной деятельности общим запасом ума и честности, который существует в стране.

**N** Способ осуществления практических государственных задач, наиболее пригодный при конституционном строе, является наилучшим и в абсолютной монархии; только менее вероятно, чтобы последняя его применила.

Правительство, плохо приспособленное к степени цивилизации данного народа, может быстро остановить его прогресс.

Необходимое достоинство всякого правительства, за которое можно простить многие недостатки, заключается в том, чтобы оно не противилось дальнейшему движению народа по пути к более высокой культуре.

Пусть не помогают. Лишь бы не мешали!

Народ не способен на практике достигнуть высшей культуры, пока он не научится повиноваться.

Повиноваться закону, добавил бы я. Повиновение сильной личности или всемогущей бюрократии не есть шаг на пути к "высшей культуре".

В известный период своей истории почти каждый народ состоял по большей части из рабов.

В России этот "известный период" затянулся надолго...

**NB** Народу, состоящему из рабов, нужен или деспотизм, или социализм. Рабы не в состоянии руководить правительством, даже поставленным под их собственный контроль. Их прогресс не может происходить от них самих, он должен получиться извне. Шаг, который им предстоит сделать, и единственный путь к прогрессу заключается в том, чтобы возвыситься от произвольного режима до правового порядка. Они должны научиться управлять собою.

Духовная и личная свобода – два условия прогресса. Когда они исчезают, прогресс останавливается.

**!** Не подлежит сомнению то, что прогресс в человеческих делах всецело зависит от людей недовольных.

Когда человек жаждет новых благ, но не в состоянии добиться их собственными силами, тогда он склонен смотреть с ненавистью и злобой на тех, кто ими пользуется.

Энергичный и смелый характер англичан и американцев является залогом общего прогресса.

Стремление многих законодателей заключается в том, чтобы сделать из большинства людей стадо баранов, мирно пасущихся бок о бок.

Представительное правление наиболее пригодно для того народа, который достиг высшей ступени общей культуры.

Когда общественное мнение враждебно реформе, то эта враждебность обычно направлена не против представительного правления, а против самого факта перемены.

Препятствием к введению представительного правления часто является равнодушие к этой форме правления, а не прямое сопротивление. В большинстве случаев бывает легче дать иное направление активному чувству, чем пробудить его там, где господствует пассивность.

**NB** Если законодатели и судьи не пользуются поддержкой общественного мнения, то исполнительная власть всегда найдёт средство их устранить или принудить к повиновению.



Если в стране нет достаточных элементов, чтобы создать общественное мнение, интересующееся государственными делами, то ни одно злоупотребление, в котором заинтересована часть народных представителей, не будет устранено.

Только требования войны и необходимая для военного командования деспотическая власть могут заставить дикие племена подчиниться элементарным условиям цивилизованного общественного строя. Племя, которое обладает энергией и мужеством, но ещё не привыкло повиноваться общему вождю, едва ли приобретёт эту привычку при коллективном правлении представителей, выбранных из его собственной среды. Только военный вождь может заставить такой народ себе подчиняться.

Но и противоположный недостаток – крайняя пассивность и склонность подчиняться тирании – делает народ неспособным к представительному правлению.

Есть страны, в которых немногочисленная, но передовая часть населения заметно отличается по своему развитию и характеру от основной его части. Такой народ лучше всего устроится, если установит у себя неограниченную законом власть в лице главного представителя этого класса. Стремясь сохранить свою власть, этот правитель будет хоть как-то заинтересован в облегчении участи народной массы, видя в ней противовес против чрезмерного могущества общественного класса, из которого он вышел.

Английский народ никогда не допустит, чтобы им управляли не так, как он этого желает.

Never say "Never"...

Англичане энергично восстают против всякой попытки усиления власти. Ничто не внушает англичанам такого отвращения, как увеличение числа государственных должностей.

Так было. Но нет никакой гарантии, что так будет и впредь...

Всякий мудрый государственный деятель знает, когда отступить от традиции, и когда надо за неё держаться.

Равновесие в политике существует почти всегда. Но никогда стрелка весов не указывает на нуль. Какая чаша весов в данный момент перевешивает, не всегда ясно видно.

Между контролем за правительственной деятельностью и ведением государственных дел существует большая разница. Собрание может с успехом контролировать исполнение, но не исполнять. Представительные собрания не должны управлять. Всё, что требуется от парламента, это его согласие с тем или иным решением исполнительной власти, и реальная власть парламента заключается только в его праве не согласиться с действиями исполнительной власти. "Единственная власть, которая ему предоставляется, это отказ", – пишет Милль.

Никакое собрание людей не способно *действовать*. Но когда надо *обсудить* какой-либо вопрос, собрание сделает это успешнее отдельного лица.

Истинная задача представительного собрания состоит не в управлении, к которому оно совершенно не способно, а в наблюдении за правительством. Оно должно подвергать гласности все действия правительства и требовать разъяснения и оправдания тех из них, которые вызывают сомнение.

Парламент контролирует исполнительную власть. Но *Quis custodiet custodes?* – Кто будет сторожить сторожей? Кто будет контролировать парламент? В конституционной монархии – монарх, который имеет право в любое время распустить народное собрание. А в республике? Верховный суд? Но тогда снова возникает всё тот же вопрос: *Quis custodiet custodes?* ...

В Англии парламент не назначает ни одного министра, но Корона обычно избирает главу административной власти, сообразуясь с рекомендацией Парламента и назначает всех прочих министров по рекомендации премьер-министра. Монарх имеет право не утвердить любого министра и любой законопроект. И хотя королевское вето применяется крайне редко, от него неразумно было бы отказываться на случай крайних, исключительных обстоятельств.

Конституционная монархия – это, видимо, самый лучший способ государственного устройства. Особенно – конституционная монархия английского образца. Конечно, монарх в Англии "царствует, но не правит", но то, что королева не пользуется в полной мере своими политическими правами, вовсе не означает, что она не имеет этих прав. Возможность монаршего вмешательства в любой серьёзный конфликт между законодательной, судебной и исполнительной властью заставляет всех участников этой сложной политической конструкции искать компромиссы и как-то договариваться друг с другом даже в случае серьёзных разногласий.

Каждое выступление в парламенте служит выражением мнения какой-то значительной группы людей и выражается людьми, которых эти группы облекли своим доверием.

Нельзя не разграничивать контроль и критику, с одной стороны, и исполнение государственных дел – с другой. Первая из этих функций должна быть отдана представителям большинства, а вторая – должна быть доверена небольшому числу просвещённых и опытных специалистов.

Когда дикий народ слишком дорожит своей дикой независимостью и не может выносить никакой власти, необходимой в его собственных интересах, тогда он находится на такой ступени общественного развития, которая ещё не допускает представительного правления.

Свобода не может дать наилучших результатов и часто терпит полную неудачу, если не находятся средства сочетать её с искусной и опытной администрацией.

Организация, опыт, продуманные и испытанные на практике правила – это сильные стороны бюрократического механизма. Но бюрократия не благоприятствует проявлению индивидуальной самостоятельности.

Попытки ограничить конкуренцию труда, ограничительные меры относительно технических усовершенствований, покровительство отечественному производителю – всё

это естественные результаты в странах, где политическое влияние сосредотачивается в руках рабочих.

Это написано за 60 лет до социалистической революции в России.

Надо считаться с силою привычки. Самая простая идея, если она нам непривычна, усваивается с таким же трудом, как и более сложная.

Если избирательное право будет распространено на весь народ, то большинство будет состоять из рабочих и ни один другой класс не будет в состоянии провести своих представителей ни в какие органы власти.

Устранение меньшинства противоречит основному принципу демократии, требующему, чтобы представительство было пропорционально числу избирателей.

**NB** В соответствии с системой, предлагаемой Томасом Гэром (Thomas Hare), чтобы помешать наиболее популярным кандидатам завладеть почти всеми голосами, необходимо, чтобы кандидату – сколько бы голосов он ни получал – засчитывалось не больше, чем требуется для его избрания, а остальные голоса засчитывались бы следующему в списке кандидату, если он в них нуждается (а если нет, то следующему и т. д.) Эта система даёт возможность попасть в парламент тем талантливым представителям меньшинства, которые, при другой системе, никогда не наберут необходимого числа голосов; и таким образом каждое меньшинство, заключающее в себе значительное число граждан, будет иметь в парламенте своих представителей. Иначе же сотни талантливых и независимых людей, составляющих, быть может, интеллектуальный цвет нации, не будут иметь никаких шансов быть избранными.

Вся сила в объединении. Разобщённые элементы всегда находятся в более невыгодных условиях, чем организованные. Избиратели, не принадлежащие ни к одной политической группе, не имеют средства извлечь какую-нибудь выгоду из своих голосов. Проект Гэра даёт им это средство.

Если выборы решаются простым большинством, то голос, поданный в пользу кандидата, не имеющего шансов на успех, пропадает даром. При системе Гэра этот голос может иметь такое же решающее значение, как и голос, поданный за кандидата партии.

Естественная тенденция представительного правления клонится к коллективной посредственности, потому что влияние сосредотачивается в руках большинства, стоящего, в смысле просвещения, ниже, чем представители меньшинства. Хотя лучшие умы и характеры, если дать им возможность пройти в парламент, будут всё равно подавлены там численным большинством, далеко не безразлично, будут ли они выслушаны или нет.

**NB** В каждом правительстве существует влияние более сильное, чем все другие, и это влияние постоянно стремится захватить всю власть в свои руки. И если ему удаётся подавить всякое соперничающее с ним влияние и всё скопить по своему образцу, то прогрессу положен конец. Всякий раз, когда победа была настолько полная, чтобы положить конец борьбе, неизбежно наступал сперва застой, а потом упадок.

Это было написано за 60 лет до появления и за 130 лет до крушения социализма в СССР.

Новизна – препятствие очень серьёзное, потому что воображение гораздо легче примиряется со значительным изменением в существе дела, чем с ничтожным изменением названий и форм.

Только благодаря участию в политической жизни простой рабочий научается понимать, что отдалённые причины и события оказывают весьма чувствительное влияние на его личные интересы. Всеобщее обучение должно предшествовать общему избирательному праву.

Важно, чтобы собрание, вотирующее общие или местные налоги, избиралось исключительно теми, кто платит эти налоги.

Другими словами, если беднейшие слои населения освобождены от налогов, то они не должны иметь права голоса.

Тот, кто пользуется помощью от государства, должен быть, безусловно, лишён избирательного права. Тот, кто не может собственным трудом поддерживать собственное существование, не имеет права распоряжаться чужими деньгами.

Каждый человек имеет право чувствовать себя оскорблённым, когда не придают никакой цены его мнению. Но никто, кроме дурака, не оскорбляется признанием того, что есть люди, мнение которых заслуживает предпочтения перед его собственным мнением.

**NB** Тот, кто уклоняется от голосования, должен быть лишён избирательных прав. Человек, не заботящийся о своём праве голоса, не имеет никакого права быть избирателем, – пишет Милль.

В житейской борьбе случай играет несравненно большую роль, чем заслуги. Поэтому имущественный ценз как критерий избирательного права всегда возбуждал и всегда будет возбуждать озлобление.

Не согласен! Чтобы разбогатеть нужна удача. Но чтобы остаться богатым нужны немалые способности. Имущественный ценз позволяет отделить людей талантливых, упорных и предприимчивых от нытиков и неудачников. Конечно, бывают богатые дураки (особенно, если богатство своё они не заработали, а получили по наследству) и бедные умницы. Но это случаи крайние, а потому сравнительно редкие. Большинство людей стоят столько, сколько они могут заработать. Человек, у которого есть свой дом, будет принимать более взвешенные решения, чем нищий оборванец, которому нечего терять...

Справедливое само по себе преимущество, которое даёт образование, желательно ещё и потому, что охраняет образованных людей от классового законодательства необразованного большинства. Пока общественное мнение не освоится с мыслью, что необходимо создать противовес численному превосходству менее образованного класса, до тех пор хорошие стороны всеобщего избирательного права будут сопровождаться неблагоприятными последствиями.

**NB** Молчаливо или открыто признаваемая ложная мысль о том, что каждый человек равноценен другому человеку, пагубна в нравственном и умственном отношении.

Женщины нуждаются в политических правах больше, чем мужчины, потому что, будучи физически слабее, они испытывают большую необходимость в покровительстве закона и общества.

На мой взгляд, это очень распространённое заблуждение. Если здоровые, нормальные мужчины не в состоянии материально обеспечить и защитить своих матерей и жён, сестёр и дочерей от несправедливости, то государство в этом может помочь очень мало. А вот навредить может...

При полной свободе выбора большинство людей посвящает себя тем занятиям, к которым они более всего пригодны.

Возможно. Но "полной свободы выбора" никогда не было, нет и не будет.

**NB** Люди нуждаются в политических правах не для того, чтобы управлять, а для того, чтобы не допускать злоупотребления властью.

В некоторых странах избирательное право и высшая власть сохраняются за народом, но он пользуется этой властью через посредство сравнительно небольшого числа лиц, "менее склонных, чем народная масса, увлекаться страстями".

То есть людей думающих, таких, которых не так-то просто оболванить с помощью разного рода политтехнологий.

Парламентарии в этом случае избираются не прямым голосованием, а через посредство этих выборщиков. А так как эти выборщики, скорее всего, люди образованные и достойные, то есть надежда, что их выбор будет сделан с большим осознанием ответственности и окажется более осмотрительным, чем непосредственный выбор самих масс.

**NB** Наиболее достоин власти тот, кто наименее её желает.

Ср. в "Государстве" Платона: Хорошие люди не соглашаются управлять – ни за деньги, ни ради почёта: они не хотят быть ни наёмниками – открыто получая вознаграждение за управление, ни ворами – тайно пользуясь его выгодами. **!!!** "Чтобы они согласились управлять надо обязать их к этому и применять наказания... А самое великое наказание – это быть под властью человека, худшего, чем ты, когда сам ты не согласился управлять"... Если бы государство состояло из одних только хороших людей, все бы оспаривали друг у друга возможность устраниваться от правления, всякий, вместо того, чтобы хлопотать о пользе других, предпочёл бы, чтобы другие позаботились о его пользе.

Члены высшей законодательной палаты должны избираться не населением, а региональными законодательными собраниями. Тогда в эту палату попадут наиболее видные из людей, выдвинувшихся на общественном поприще.

Совершенно бесполезно доказывать несостоятельность системы, которая не имеет корней в национальных традициях, – пишет Милль.

Однако в царской России существовал Государственный совет, пожизненными членами которого Государь назначал наиболее отличившихся по службе людей из числа бывших губернаторов, дипломатов, военачальников и пр., а также любых других выдающихся деятелей (например – известных предпринимателей, писателей, учёных, деятелей искусства и т. д.). Если бы дело конституционной реформы в России не было в 1881-ом году погублено террористами, то Государственный совет вполне мог стать высшей палатой будущего парламента с правами, аналогичными правам Палаты лордов в Англии.

Влияние какого-нибудь учения сказывается явственнее не на творцах его, а на тех, кто на нём воспитан.

Избиратель должен считать своим нравственным долгом руководствоваться общественными интересами, а не своею личною выгодой, и подавать свой голос по совести – так, как будто он единственный избиратель и выборы зависят исключительно от него.

Звучит очень благородно. Интересно, сколько процентов избирателей последуют этому совету? Два? Три?

Олигархия с каждым годом становится более богатой и деспотичной; народ – более бедным и зависимым. Необходимо воздвигнуть могущественные преграды против такого злоупотребления свободой, которое делает её орудием в руках безнравственных и влиятельных людей.

Милль говорит о временах Древнего Рима...

Милль решительно выступает против того, чтобы государство платило парламентариям жалование. Если случится, что человек, совершенно лишённый средств к существованию, будет избран в парламент, то его должны содержать те, кто за него голосовал. Подобная поддержка оказывается только исключительным дарованиям, – пишет Милль.

Депутат должен сохранять своё место в течение достаточно продолжительного времени, чтобы доказать своим избирателям, что он может быть не только простым выразителем их мнений, но и их заслуживающим доверия представителем, способным принимать самостоятельные решения.

Когда демократическая власть слаба, необходимо дать депутату возможность чаще обращаться к его избирателям за получением новых полномочий. С этой точки зрения, даже трёхлетний срок слишком продолжителен. Когда демократия сильна, тогда и пятилетний срок едва ли достаточен, чтобы не допустить раболепства перед толпой.

**NB** Владелец политической власти всегда склонен злоупотреблять ею в личных интересах. Задача свободных учреждений заключается в том, чтобы сдерживать всякое подобное стремление к злоупотреблениям.

Демократия не благоприятствует духу почтительности. Но избиратели не станут навязывать своё убеждение лицам, которых они считают умнее и образованнее себя. Однако уважение к умственному превосходству не должно доходить до полного отречения от всякого личного мнения. Необходимо, чтобы учреждения страны давали перевес мнениям людей более просвещённых над мнением людей менее просвещённых.

**NB** Одно из самых необходимых условий в деле управления общественными делами – готовность к компромиссам, уступчивость по отношению к политическим противникам и умение облекать свои решения в форму, наименее оскорбительную для лиц, придерживающихся противоположных взглядов.

Нет надобности, чтобы обе палаты парламента имели одинаковый состав. Если одна из них демократическая, то другая должна быть устроена так, чтобы до некоторой степени ограничивать демократию. Если одна из них – народная палата, то другая должна быть палатой составленной из видных общественных деятелей и государственных людей, занимавших какой-нибудь важный политический пост или исполнявших какие-нибудь важные политические функции.

При каждой форме правления должен существовать центр сопротивления преобладающему влиянию.

Предоставление меньшинству права иметь представительство, пропорциональное своей численности, обеспечивает постоянное присутствие в палате значительного числа первоклассных умов.

Один из наиболее существенных принципов хорошего управления при демократическом строе заключается в том, чтобы исполнительные органы не избирались самим народом, ни непосредственно, ни через его представителей. Управлять могут лишь люди, к тому подготовленные.

Менее всего назначение должностных лиц путём народного голосования желательно в судебном ведомстве. Практика подвергать судей периодическому народному переизбранию составляет одну из опаснейших ошибок, когда-либо совершённых демократией. Однако население округа, если оно удостоверится в непригодности назначенных судей, должно иметь право устранить их от должности. Несменяемость должностных лиц, ведающих важными делами, сама по себе составляет зло.

**NB** Когда от людей не требуют ничего свыше известного минимума, то минимум в конце концов превращается в максимум. Устанавливается всеобщая привычка довольствоваться малым.

Хотя приём на государственную службу должен зависеть от результатов конкурсных экзаменов, дальнейшее продвижение по службе должно быть основано на системе старшинства и осмотрительного выбора. Технические работники должны получать повышение по службе по мере приобретения опыта, а те, кто занимает значительные руководящие посты, должны назначаться министром.

В Англии всегда свободы было больше, а административная организация была хуже, чем во многих других странах, где организация лучше, но свободы меньше.

Местные должности, которыми представители высших сословий обычно не интересуются, дают возможность талантливым выходцам из низов получить политическое воспитание и возможность проявить себя и сделать карьеру.

Так как главная задача местных собраний заключается в установлении местных налогов и расходовании их, то избирательное право должно принадлежать всем, кто платит эти налоги, а те, кто не платит налогов, должны быть лишены избирательного права.

Каждый город имеет свои интересы, общие для всех его жителей, поэтому каждый город, независимо от его размеров, должен иметь свой местный общинный совет.

Разделение труда в сфере исполнения не оправдывает разделения труда в сфере контроля. Для всех административных органов должно быть одно контролирующее собрание.

Quis custodiet custodes? Кто будет контролировать это контролирующее собрание? "Народ"? Как? в какой форме? С помощью каких средств?

Местные исполнительные органы не должны избираться. Они должны назначаться председателем собрания (как бы он ни назывался). Он занимает в своей местности положение, аналогичное положению премьер-министра в государстве. Сам же он должен назначаться собранием.

Невероятно сложным является вопрос о разделении полномочий центральной и местной власти. С одной стороны, местные налоговые поступления расходуются по решению местных органов власти. С другой стороны, "для остальной страны не безразлично, если та или иная местность превратится в разбойничье гнездо". Личная и имущественная безопасность составляют главное требование общества и основную цель правительства. Ежедневный опыт убеждает публику в необходимости иметь назначаемых центральным правительством инспекторов. В крайних случаях центральной власти может быть предоставлено даже право роспуска местных представительных собраний или увольнения назначенных местными собраниями должностных лиц, но центральная власть не должна иметь право по своему усмотрению назначать на место уволенных должностных лиц новых.

**NB !** Центральное правительство, желающее делать всё само, справедливо сравнивают с учителем, который сам решает задачи за своих учеников: он будет пользоваться большой популярностью среди учеников, но ничему их не научит. С другой стороны, правительство, которое не показывает местным властям, как надо действовать, – подобно школе, в которой вовсе нет учителя. Ученики и в этом случае мало чему научатся...

Свободные установления по большей части требуют, чтобы политические границы совпадали с национальными.



## **NB Свободные учреждения почти невозможны в стране с многонациональным населением.**

Коротко и ясно.

Если наделить национальные и культурные меньшинства теми же правами, которые имеет титульная нация, тогда или страна развалится на части, или демократические институты станут в ней всего лишь красивой вывеской, прикрывающей фактическое господство титульной нации. Исключениями из этого правила кажутся СССР и США. Однако несостоятельность СССР историей уже доказана (страна развалилась на национальные республики), а крах политики мультикультурализма в США неизбежен и в скором времени приведёт к тому, что демократические институты станут в стране всего лишь вывеской, прикрывающей фактическое господство бюрократии, интернациональной по составу, но англо-саксонской по культуре.

До тех пор пока большинству людей по той или иной причине выгодно жить вместе, они будут жить вместе, невзирая на национальные и культурные особенности. Если же они почувствуют, что им будет лучше жить порознь, то этническая, языковая и культурная близость не помогут делу их объединения. Классический пример – современная Украина, которая стремится во франко-немецкий Европейский союз и хочет разорвать свои многовековые экономические и культурные связи с преимущественно славянской Россией.

Стремление к территориальной обособленности может быть, впрочем, и не связано с национальными различиями. Несмотря на языковое и культурное единство, идеи Уральской республики и Североазиатских Соединённых Штатов витают в воздухе и до недавнего времени открыто обсуждались в российской печати.

Впрочем, это всё теория. На практике, только военная сила или денежная выгода могут служить средством объединения людей, в особенности – людей, различных по языку и культуре.

В некоторых местностях Европы различные национальности так перемешаны, что установить для них отдельные правительства немыслимо. Население Австрийской империи состоит из мадьяр, чехов, словаков, сербов, румын, немцев, итальянцев и т. д. Все эти племена должны примириться с необходимостью жить по возможности дружно, чтобы пользоваться равными правами и законами. Эта общность рабства во имя равенства, со временем только крепнет.

Одна национальность может быть поглощена другой, и если поглощаемая национальность принадлежит к числу более отсталых по своему развитию, то процесс поглощения может принести ей большую пользу. Всё, что содействует слиянию народов, составляет благодеяние для рода человеческого.

"Федералист" – сборник статей, написанных "отцами-основателями" США, – Милль считает лучшим трактатом о союзном правлении.

При наиболее совершенном союзном правительстве (предполагающем, что гражданин каждого государства одновременно подчинён двум правительствам – собственному и союзному) требуется, чтобы высшая власть была предоставлена не одному из этих правительств, а совершенно независимому судебному органу. Например, в Соединённых Штатах Верховный суд имеет право решать, соответствуют ли законы штатов союзной Конституции.

В СССР не было соответствующего органа. В случае противоречий между республиканским и союзным законом действовал союзный закон. Таким образом, в нарушение принципа, о котором говорит Милль, высшая власть была предоставлена одному из этих правительств (союзному). Впрочем, в условиях абсолютной диктатуры КПСС такой орган, будь он создан, быстро превратился бы в один из многочисленных бюрократических институтов, которые в Советском Союзе ничего не решали, а только "озвучивали", "одобряли", "поддерживали" и "воплощали в жизнь" партийные решения.

Рассуждая о прерогативах союзного правительства, Милль затрагивает самые интересные и самые сложные вопросы разграничения полномочий между центральным (союзным) и местным (республиканским) правительством. По-видимому, никто не сомневается, что в полноценном союзном государстве, должны существовать единая армия и флот, единая валюта и единая система мер и весов. Все также согласны, что между государствами, входящими в союз, не должно быть таможенных барьеров. Видимо, необходимы какие-то единые стандарты в области энергетики, транспорта и связи (например – единое напряжение в электрических сетях, единая ширина железнодорожной полосы, совместимые телефонные и компьютерные сети). А вот дальше начинаются многочисленные расхождения во мнениях и различные варианты. Даже в иностранных делах не может быть полного единства. Например, входящие в союз приграничные государства должны обладать правом самостоятельно заключать международные договоры с соседними государствами, которые не являются членами союза (разумеется – от имени республики, а не от имени союза). Для военных целей необходимо, видимо, и знание общего языка (в идеале – такого, который не является родным ни для одного из входящих в состав союза государств, или такого, который понятен большинству населения союзного государства).

Очень важно, чтобы союзное государство строилось снизу, а не сверху:

Власть союзного правительства зависит от того, насколько члены союза желают отречься от известной доли свободы действий, чтобы воспользоваться вполне благами объединённой нации.

Другими словами, союзное правительство должно обладать только такими полномочиями, которые все входящие в союз государства согласятся ему передать.

При этом каждое из входящих в союз государств должно обладать правом вето, то есть правом не согласиться с важными решениями союзного правительства, которые затрагивают интересы всех или большинства входящих в союз государств. Например, право союзного правительства объявлять всеобщую мобилизацию в случае оборонительной войны не должно оспариваться членами союза. А решение о начале наступательной войны должно приниматься только с согласия всех входящих в союз государств.

С другой стороны, и союзное правительство должно быть наделено правом отменять те решения входящих в союз государств, которые не соответствуют союзной конституции. Союзное правительство также должно быть наделено правом контролировать выполнение государствами членами союза решений, принятых центральной властью.

**NB** Когда страна превышает известные размеры, её трудно управлять с успехом их одного центра; трудно даже вести правильный надзор за её управлением. Существуют обширные государства, управляемые таким образом, но их управление часто бывает очень неудовлетворительно.

Ответственность перед управляемыми представляет самую надёжную гарантию хорошего управления.

! Если дверь, ведущая к высшим должностям, хотя бы только случайно откроется лицам, не побывавшим на низших должностях, то в неё будут так усердно стучаться влиятельные люди, что трудно будет держать её вообще закрытой.

\*\*\*

"Рассуждения о представительном правлении" – книжка очень умная, заставляет думать. Но читать её трудно (особенно – тем людям, которые ищут лёгких решений в политике и не хотят признавать, что простых решений для сложных проблем не существует).

## "ОГЮСТ КОНТ И ПОЗИТИВИЗМ"<sup>7</sup>

Милль чётко различает в творчестве Конта два периода: с одной стороны, Конт – автор капитального труда *Cours de Philosophie Positive*, которому Милль даёт восторженную оценку. С другой стороны, Конт – автор целой серии работ, в которых он развивает свою теорию идеального общественного устройства (например, *Système de Politique Positive* и др.)

*Cours de Philosophie Positive* – это серьёзное философское произведение. Почти всё остальное – это бред сивой кобылы. Деликатный Милль, который решительно не принимает "идеального" государства Конта, конечно, не употребляет таких выражений и пытается найти интересные мысли и наблюдения даже в этих произведениях Конта. Самое сильное слово, которое Милль употребляет, – *негодование* (это по поводу предложения Конта сжечь все книги, за исключением тех ста, которые Конт счёл необходимыми для того, чтобы человечество смогло проникнуться величием "положительной философии").

Книги по философии – не моя стихия. Отвлечённые размышления мне скучны. "Курс положительной философии" Конта я читать, конечно, не буду. Мне вполне достаточно и того изложения философии Конта, которое можно найти в книге Милля.

Несмотря на то, что образ мышления, обозначаемый словами *позитивный* и *позитивизм*, весьма распространён, как это обыкновенно бывает, самые эти слова лучше понимаются противниками этого образа мышления, чем его сторонниками.

Для того, чтобы вникнуть в действительный характер какого-либо образа мышления, необходимо понять и те способы мышления, которые ему противоречат.

**NB** Когда люди отыскивали причину некоторого действия, то они делали это главным образом для того, чтобы направлять это действие или быть в состоянии предвидеть его, чтобы сообразовать с ним своё поведение.

Как справедливо заметил Конт, наша способность предугадывать явления и наша способность управлять ими разрушает верование в то, что явления управляются изменчивою волей

(читай: Богом)

---

<sup>7</sup> Джон Стюарт Милль. "Огюст Конт и позитивизм". М. : "ЛКИ", 2007.

Хотя позитивному направлению удалось уничтожить истинное верование в объективную реальность некоторых абстракций,

(читай: Бога)

! однако верование это оставило за собою в уме человеческом дурные следы.

Самое простое наблюдение указывает на множество предметов, которые в данных обстоятельствах всегда действуют одинаково. Всякий раз, когда делалось такое наблюдение, природный ум человека группировал сходные предметы в один класс и соединял их в мысли.

Позитивная философия утверждает, что в известной нам части Вселенной причины, непосредственно определяющие каждое явление, никогда не бывают сверхъестественными. Но позитивный тип мышления отнюдь не отрицает сверхъестественного. Конт полагал, что всякое действительное познание исходных начал нам недоступно: законы природы не могут объяснить своего собственного происхождения.

Верование, укоренившееся в образованных классах общества, рано или поздно дойдёт и до массы, если только оно не будет подавлено силой.

Милль очень высоко оценивает классификацию наук, предложенную Контом. Конт делил все науки на абстрактные и конкретные. Все последующие науки в его классификации зависят от предыдущих. Например, Конт насчитывал шесть абстрактных наук, которые он располагает в восходящий ряд по степени сложности их явлений, так что каждая наука находится в зависимости от истин всех других. Только наука о числах (математика) может быть изучаема без всякого отношения к любой другой науке. Астрономия основана на математических истинах, физика – на астрономических, химия – на физических, биология – на химических, социология – на биологических. Именно в этом порядке, по мнению Конта, эти науки и следует изучать.

Явления человеческого общества подлежат своим собственным особым законам, но они имеют соотношение со всеми законами органической животной жизни, равно как и неорганической природы.

Всякая наука находится в состоянии тем меньшего развития, чем более высокое место занимает она в восходящем ряду. Наука социальная как самая сложная из всех, по мнению Конта, совсем ещё не достигла позитивной степени развития.

Милль признаёт, что и самому Конту не удалось сделать социологические исследования позитивными.

Мучительные попытки отыскать объективные (то есть независимые от человеческой воли) законы развития человеческого общества продолжают и сегодня.

Всегда легко найти какой-нибудь недостаток в классификации. Достоинство классификации зависит от цели, которой она служит.

Начало всякого исследования состоит в собирании фактов и в накоплении обобщений. Всё, что известно о предмете, становится наукой только тогда, когда можно признать каждую отдельную истину за проявление законов более общих.

Изначально, люди думали, что установившиеся правила нравственности, как и основные государственные учреждения, были божественного происхождения. Впоследствии они стали полагать, что нравственные правила и политические учреждения были не средствами к достижению общего блага, а вытекали из естественного права. Во Франции – победа этих взглядов в теории привела к победе революции на практике. В Англии – предпочтение, оказываемое одной форме правления перед другой, почти всегда зависит от практических последствий, от неё получаемых или ожидаемых.

**!** Вера в силу идей (а не денег и оружия) была в прошлые времена столь велика, что, когда одного человека спросили, признаёт ли он, что  $5 + 6 = 11$ , он отказался дать ответ, пока не узнает, какое практическое употребление хотят из этого признания сделать.

Если учёным недостаёт общих понятий, то они часто преувеличивают значение ограниченного класса истин, им известных.

К счастью (потому что это легко могло быть иначе), история человеческого рода, рассматриваемая как целое, обнаруживает определённый порядок развития, – пишет Милль. И тут же противоречит себе, заявляя, что сама история не может доказать, что это есть неизбежный закон, независимый от временной случайности.

**NB** Состояние каждой части социального организма находится в тесной связи с современным состоянием всех прочих его частей. Религия, философия, наука, искусство, промышленность, торговля, транспорт, государственное управление – всё это находится во всеобщей тесной взаимной зависимости, и когда случается какое-нибудь значительное изменение в одной части социального целого, мы можем сказать, что этому предшествовало или сопутствовало параллельное изменение и во всех других его частях.

**!** Нелюбовь к труду может быть значительно ослаблена, а преобладание чувств над разумом может быть значительно уменьшено. Но они никогда не могут быть вполне уничтожены.

Вслед за Контом, Милль считает семью главным источником социальных чувств.

**NB** По причине всё возрастающей специализации занятий, интересы целого всё менее и менее становятся доступными человеческому уму ... Если бы общественный нравственный авторитет был целиком и полностью доверен какому-нибудь обществу, то это не привело бы ни к чему, кроме духовного деспотизма.

Таким нравственным авторитетом пользовалась в Советском Союзе Коммунистическая партия, сознательно насаждавшая в обществе "духовный деспотизм". И хотя революционные изменения в

обществе происходят вовсе не потому, что каким-то хилым интеллигентам запрещают читать какие-то книжки, преуменьшать разрушительное значение духовного деспотизма не следует.

**NB** Два самых существенных вопроса, на которые должна ответить наука об обществе: существует ли в человеческих делах естественное развитие и является ли это развитие совершенствованием.

**NB** Движение, общее всем людям, должно необходимо зависеть от причин, влияющих на всех.

По мнению Конта, главным деятелем в прогрессе человеческого рода является умственное развитие. Но у отдельного человека страсти являются силой более могучей, чем умственное убеждение, поэтому Конт убеждён, что только общее *верование* способно противостоять разъединяющему воздействию страстей и побудить людей к совместному действию.

**NB** Едва ли найдётся кто-либо, кто был бы вполне свободен от одного из двух противоположных заблуждений, которые состоят в приписывании слишком большого или слишком малого влияния случаю и индивидуальным качествам исторических деятелей.

Милль критикует Бокля за то, что Бокль считает единственно прогрессивным только интеллектуальный элемент в человеке, а элемент нравственный – остающимся неподвижным во все времена (так что количество преступлений в году остаётся, в среднем, неизменным).

"История цивилизации в Англии" (*History of Civilization in England*) замечательного английского историка-любителя Генри Бокля (Henry Buckle) была опубликована в 1861-ом году. Многие профессиональные историки отнеслись к этой книге с высокомерным презрением. Однако, в отличие от этих спесивых университетских профессоров, Бокль попытался сделать историю практически полезной наукой. Он хотел обнаружить в событиях прошлого некоторые повторяющиеся элементы, на основании которых можно было бы не только объяснить события прошедшего, но и предсказать будущее историческое развитие.

Что касается замечания Милля, то я склоняюсь к солидарности с Боклем. Относительность нравственных ценностей и существование уголовной преступности во все времена – при любых наказаниях и при любом общественном устройстве – действительно наводит меня на мысль, что никакого качественного прогресса в области нравственной нет и не может быть. В лучшем случае, можно говорить о прогрессе количественном, хотя и это совсем не факт. В Англии XIX века воров, убийц, грабителей, проституток, наркоманов и алкоголиков было (пропорционально численности населения) не больше, а меньше, чем в нынешней Англии... Где же нравственный прогресс?

Милль жалуется на недостаток последовательности в умозрениях Конта:

Нам не удаётся подметить у Конта никакой научной связи между его теоретическим объяснением прошедшего прогресса общества и его планами будущего совершенствования этого общества. Свобода и произвол отдельных людей не принимаются во внимание в этом плане ...

Нужно обладать деликатностью Милля, чтобы написать по поводу этого бредового плана:

Только мечтательным людям может показаться вероятным, что умозрения, приводящие к подобному результату, могут заслуживать внимания, необходимого для того, чтобы их понять.

Токвиль заметил во всей истории постоянный прогресс в смысле социального и политического равенства, – пишет Милль.

Прекрасная книга Токвиля (Alexis de Tocqueville) "Старый порядок и революция" (*L'Ancien régime et la Révolution*), была опубликована в 1856-ом году. Изучая предреволюционную Францию, Токвиль нашёл "множество понятий, которые раньше считал порождением Революции". Французы хотели создать "не только демократические, но и свободные учреждения" [NB: демократические – не всегда значит свободные], но покинули свою первоначальную цель и стали лишь "равными рабами" правительства более абсолютного, чем то, которое было низвергнуто. А "расположение, обнаруживаемое к абсолютному правительству, находится в точном соответствии с презрением, испытываемым к родной стране". Мысль – из всех граждан создать один класс – понравилась бы любому диктатору, – пишет Токвиль, – потому что "такая ровная поверхность облегчает дело управления".

О русской Октябрьской революции 1917-ого года и о последующих событиях можно ничего не читать. Достаточно прочитать книгу Токвиля, написанную за 60 лет до Октябрьской революции...

Во второй период своей деятельности Конт порвал свои отношения почти со всеми своими учениками и последователями – со всеми, кто, пройдя известное расстояние с ним вместе, отказался следовать за ним до конца. В это период Конт "воздерживался" от чтения не только газет и журналов, но и решительно от всякого чтения...

Невозможно, – пишет Милль, – воздвигая здание на фундаменте, заложенном предшественниками, не нуждаться в помощи своих современников.

Как только человеку удаётся убедить себя, что он может выработать конечную истину о каком-либо предмете, пользуясь исключительно своими собственными источниками, он рискует потерять всякую меру... Конт обратил свою философию в религию.

**!!!** Власть, которую может приобрести над умом идея об общем интересе человеческого рода уже давно многими подмечена. Эта идея зарождается в неведомой глубине прошлого, обнимает всё сложное настоящее и проникает в неведомое таинственное будущее. Представляя нашему уму общество с неизвестным началом и неопределённым концом, она взывает к тому чувству бесконечного, которое глубоко внедрилось в человеческую природу и кажется необходимым условием всех наших самых высоких понятий.

Каждый человек должен преследовать цель своих личных желаний в границах, совместимых с интересами прочих людей. Каковы эти границы, это должна определить наука этика, а удерживать людей в этих пределах должны судебное наказание и нравственное порицание. Есть известная степень альтруизма, до которой должны подняться все. А есть и другая, высшая, степень – похвальная, но уже не обязательная. Однако Конт требует, чтобы все верующие были святыми.

Наше понятие о человеческой жизни совсем иное. Мы думаем, что жизнь не так уж богата радостями, чтобы нам можно было отказаться от тех из них, которые Конт относит к склонностям эгоистическим. Мы, напротив, убеждены, что дать этим эгоистическим склонностям достаточное удовлетворение, остерегаясь излишества, – почти всегда значит благоприятствовать бескорыстным склонностям.

Невероятно порядочный Милль думает, что и все остальные люди могут быть такими же порядочными...

Мы думаем, что нравственное улучшение в личных наслаждениях состоит не в том, чтобы свести их к возможно меньшей сумме, а в том, чтобы выработать привычку делиться ими с другими людьми и, по возможности, подавлять в себе желание того, что не может быть поделено таким образом. Только одна страсть, только одна склонность не совместима с этим условием, а именно – любовь к власти и превосходству.

А как насчёт любви к женщине?

В качестве правил поведения, налагаемых посредством нравственных санкций, надо принимать только то, что имеет целью воспрепятствовать одним людям вредить другим. Деятельность, свойственная человеческой природе, проявится тогда в направлениях полезных, когда порочные пути будут для неё закрыты.

Невероятно порядочный Милль думает, что и все остальные люди могут быть такими же порядочными...

Выше этого правила простирается безграничная область нравственного совершенства, но это нравственное совершенство нельзя вводить в пределы обязанностей.

Ну о чём они, эти философы, говорят?! Хорошо бы для начала с уголовной преступностью справиться...

Одним из принципов Конта было мнение, что нельзя с пользой предложить вопроса, не пытаясь в то же время дать ему разрешение.

Классическая советская формула: Критикуешь – предлагай. Предлагаешь – делай.

Никто не знает, какому знанию суждено сделаться полезным. Могли ли знать древние математики, занимавшиеся изучением свойств эллипса, что через две тысячи лет их умозрения дадут кораблям возможность безопасно плавать вокруг земли? А несколько новых металлов, необходимых для нужд промышленности, были открыты в результате изучения внутреннего строения солнца...

Критикуя устройство "идеального" государства Конта, Милль замечает, что в прошлом жреческие сословия становились тираническими, потому что они являлись известными *организациями*, которые стремились к достижению излишнего *единства* и систематизации и не допускали ни науки, ни иных воззрений иначе как со своего согласия и под своим руководством.



Как похоже на идеологический отдел ЦК КПСС! С той только весьма существенной разницей, что идеальное государство Конта было и осталось в истории теоретической химерой, а идеологический отдел ЦК КПСС был суровой реальностью...

\* \* \*

### Из книги В. И. Яковенко *Огюст Конт : его жизнь и философская деятельность*

С биографией Огюста Конта я познакомился по книге, написанной В. И. Яковенко. Особенно мне понравился иронический, но в то же время уважительный стиль автора.

Конт работал в то время, когда после серии разрушительных революций, многим мыслящим людям стало ясно, что дело общественного преобразования не может ограничиваться разрушением. Руководствуясь только отрицательными теориями, невозможно строить...

В молодости (1818) Конт был учеником, личным секретарём и другом Сен-Симона. Само выражение "положительная философия" (или "позитивная философия") принадлежит Сен-Симону. Всё отрицательное, революционное, разрушительное, анархическое было ему противно. Характерной особенностью науки Сен-Симон считал не описание и классификацию фактов, а предсказывание.

Эта мысль очень мне близка. Если кто-либо желает называть общественные науки науками, необходимо доказать, что на основе этих наук можно с большой степенью точности предсказать развитие событий. Как хороший химик может предсказать химические и физические свойства создаваемого им нового вещества, так и хороший обществовед должен уметь предсказывать социальные последствия определённых политических решений...

В 1822-ом году Конт печатает в серии, издаваемой Сен-Симоном, свою работу *Plan des travaux scientifiques nécessaires pour réorganiser la société*, в которой он высказывает многие мысли, развитые им впоследствии в его "Курсе положительной философии" и в "Системе положительной политики". Но уже в 1824-ом году Конт прекращает не только своё сотрудничество, но и своё знакомство с Сен-Симоном: он созрел для самостоятельной работы, он перерос своего наставника... Шестнадцать лет работал Конт над своим "Курсом положительной философии", но этот труд, поставивший его во главе философского развития XIX века, не принёс ему материального успеха, и если бы не денежная помощь его английских почитателей (и прежде всего – Джона Стюарта Милля, который собрал для него 6000 франков), то ему, возможно, и не удалось бы завершить свою главную работу. Однако, совершив свой великий труд, Конт уверовал в его непогрешимость...

Конт обладал удивительной памятью. Весь свой громадный запас знаний он приобрёл в молодости и удерживал его в голове до последних дней... Приступая к работе, он сначала долго обдумывал её до мельчайших деталей. Затем он говорил себе, что книга уже готова, остаётся только её написать. На время он превращался в пишущую машину, писал почти без помарок и тотчас же отдавал в типографию...

Конт не призывал к насильственным действиям. Его основная мысль – борьба с анархией при помощи широких общественных реформ... Только человек, установивший гармонию между своей личной и своей общественной жизнью, является, по мнению Конта, истинным деятелем на пользу общественного порядка

и прогресса. Конт считал, что время критической, разрушительной работы прошло и что настала пора созидательной, положительной работы. Задачу своей положительной (позитивной) философии он видел в том, чтобы объединить отдельные науки и создать на основе этого объединения новую социальную религию. Конт полагал, что верования руководят людьми, что верования сильнее всякой внешней материальной силы. Он также считал, что человеку свойственно естественное стремление к общественности, к совместной жизни, независимо от личных расчётов и нередко даже наперекор личным интересам. Каждый человек должен служить человечеству и жить для других, стараясь вовсе забыть о себе, – таков девиз религии альтруизма (слово, введённое в употребление Контом). Разделение труда он считал благом, поскольку оно способствует развитию общественного инстинкта. Но он видел в разделении труда и опасность: возникают корпорации, которые объединяют людей по их занятиям, но отдаляют их от прочего человечества, лишают их возможности понимать общечеловеческие интересы... Прогресс общества состоит, по его мнению, в развитии умственных, нравственных и эстетических способностей составляющих его членов.

Что, впрочем, никак не вяжется с детальной и мелочной регламентацией жизни каждого человека в "идеальном" обществе Конта.

Конт убеждён, что абсолютное право на свободу мысли, свободу печати, воспитания и пр. было продуктивным во времена разрушения, но когда общество от разрушения переходит к созиданию, свобода является помехой: общественный порядок не может установиться там, где всякий человек пользуется безусловным правом беспрепятственно оспаривать основные принципы общественной жизни, – полагает он...

Остаётся только порадоваться, что "идеальное" государство Конта никогда не было воплощено в жизнь! Подобно многим другим создателям идеальных государств, Конт отказывает другим людям в правах, которыми пользуется сам. Его идеальное государство – ещё одна иллюстрация того, как негодные средства убивают благородную цель, как разумная теория порождает нелепую практику.

**NB** Из всех философов, – пишет Милль, – наиболее последовательные наиболее часто доходили до нелепостей...

## МИЛЛЬ ОБ ОБРАЗОВАНИИ

Из его речи при вступлении в должность ректора университета St. Andrews

Об образовании в широком смысле можно писать бесконечно. Хотя этого предмета касались умнейшие люди и написано об образовании едва ли не больше, чем по любому другому предмету, для человека со свежим и независимым взглядом эта тема остаётся такой же нетронутой, как и для самых первых исследователей. Вдумчивый исследователь всегда найдёт в этом предмете что-то новое или что-то такое, что может быть сказано в развитие уже кем-то высказанных мыслей.

В том, что касается образования, существование различных мнений, высказанных по этому предмету различными людьми, совершенно необходимо, потому что из всех многосторонних предметов образование – самый многосторонний предмет. Образование охватывает даже то косвенное влияние на способности и характер человека, которое производится в сферах человеческой деятельности с совершенно иным предназначением – такими, как юриспруденция, тип государственного устройства, промышленность и социальная жизнь общества, не говоря уже о физических факторах, независимых от человеческой воли: географическое положение, климат, почва и т. д.

Я ограничусь, однако, образованием в узком смысле этого слова, имея в виду то культурное наследие, которое каждое поколение целенаправленно передает своим потомкам, с тем, чтобы они могли это наследие, по крайней мере, сохранить, а если это окажется возможным, то и приумножить.

Основная задача Университета в системе национального образования осознаётся довольно хорошо. Во всяком случае существует значительное согласие в том, чем Университет не должен заниматься. Университет – это не место для профессионального образования. Университеты не предназначены для того, чтобы дать людям какие-то специальные знания, которые они могли бы использовать с целью заработка. Задача Университета – подготовить широкообразованных (cultivated) людей с развитыми способностями. Университеты не предназначены для того, чтобы готовить юристов, врачей или инженеров. Для этого должны существовать специальные учебные заведения – юридические, медицинские и технические, и чем больше таких учреждений в стране, тем для неё лучше. Но не на этом зиждется цивилизация, не это – главное из того, что каждое живущее поколение передает последующему. Специальное образование нужно сравнительно немногим людям, и даже этим людям оно нужно только после того, как они получили общее образование. Будут ли они считать свою специальность научным знанием (a branch of intelligence) или просто ремеслом, зависит не столько от того, как их учат профессии, сколько от их сознания и от их ума (intelligence), развитого в процессе общего образования. Прежде, чем стать врачами и юристами, они были просто людьми, и если вы сделали их способными и восприимчивыми людьми, то они будут способными и восприимчивыми врачами и юристами. То, что будущие профессионалы должны вынести из университета, это не профессиональные знания, а то, что позволит им успешно использовать их профессиональные знания и осветит светом общей культуры технические подробности их узкой специальности.

Образованный сапожник делает сапоги лучше; но не потому, что образование учит его, как тачать сапоги, а потому, что образование развивает его ум и способствует приобретению полезных навыков.

Университетское образование заканчивается там, где кончается общее образование и начинается образование специальное, приспособленное для избранной человеком профессии. Сложнее определить, где начинается университетское образование. Элементарное образование студент должен получать в школе – до того, как он поступит в университет, но где граница между элементарным и высшим образованием?

На последней ступени общее образование должно дать студенту полное представление о том, как связаны между собой те предметы, которые он изучал по отдельности. Эта ступень включает философское изучение методов научного познания и тех путей, которыми человек идёт от известного к неизвестному. Необходимо познакомить студентов с теми умственными ресурсами, которые человеческий мозг использует для исследования природы; необходимо, чтобы студенты знали, как люди приходят к познанию фактов реальной жизни и на основе каких процедур (tests) люди могут утверждать, что они действительно познали эти факты. Однако, прежде, чем мы достигнем этой высшей ступени в университетском образовании, прежде, чем мы станем учить не знанию как таковому, а философии познания, мы должны быть уверены в том, что само по себе знание было уже где-то получено. Те, кто придерживается такого взгляда на университетское образование, не далеки от истины, когда они думают, что школа должна давать молодёжи представление обо всех предметах, относящихся к общему образованию. Однако где найти такие школы? Многие школы настолько плохи, что университеты вынуждены брать на себя несвойственную им подготовительную функцию, когда они набирают очень молодых студентов и дают им знания, которые те должны были получить в школе.

Естественнонаучное образование учит нас думать, а гуманитарное образование учит нас выражать свои мысли, уже только поэтому необходимо и то, и другое.

Прежде чем заявлять о том, что что-то не может быть сделано, давайте попробуем с помощью разумного и ответственного (conscientious) преподавания сделать хотя бы то, что возможно.

Реформы, если это действительно реформы, дело очень долгое – даже в области государственного управления и церковной организации. А школьные реформы – это дело ещё более долгое.

С каждым новым поколением количество предметов, необходимых для познания, увеличивается. Разные области знания перегружены подробностями, и чтобы освоить какой-то предмет основательно, приходится ограничиваться всё меньшим объёмом знания по другим предметам.

Следует ожидать, что человеческая природа, приобретая опытность в малом, будет и дальше мельчать в том, что касается великих деяний. Однако всё не так уж плохо, и нет больших оснований для мрачных ожиданий, если принять во внимание, что человек способен сочетать подробное знание одного предмета с общим знанием многих других предметов.

Архиепископ Уотли (Whately) провёл чёткую границу между общим и специальным образованием. Иметь общее представление о предмете – это значит знать только самое главное, но знать очень основательно, оставляя мелкие подробности тем, кто занимается этим предметом профессионально.

Совместить детальное, профессиональное знание одного какого-то предмета и общее знание по широкому спектру других предметов вполне возможно. Именно это совмещение и позволяет нам воспитать просвещённый народ.

Отсюда не следует, конечно, что в университетскую программу должны быть включены все предметы, представляющие общий, а не узкопрофессиональный интерес. Некоторые предметы лучше изучать за пределами учебного заведения. Я, например, не согласен с теми реформаторами, которые отводят большое место в программе изучению современных иностранных языков. И не потому, конечно, что я считаю это знание бесполезным. Без знания по крайней мере одного иностранного языка в наш век вообще невозможно считать себя образованным человеком, однако современные иностранные языки лучше изучать там, где на них говорят. При должном усердии, несколько месяцев жизни в стране изучаемого языка дадут вам больше, чем годы школьных занятий. Изучать современный иностранный язык у себя на родине – это значит неразумно тратить время.

Без знания языка народа мы никогда не поймём его мыслей и чувств, его национального характера.

У образованных древних греков и римлян было много свободного времени и писали они свои книги для тех, у кого тоже было много свободного времени. В наше время (1866) мы торопливо пишем для тех, кто торопливо читает, поэтому нам нечего и надеяться на то, что нам удастся сравниться с древними авторами по глубине образования.

Древние писали кратко, потому что они вкладывали в свои сочинения огромный труд. Большинство современных авторов многословны, потому что они этого не делают.

Как говорил Паскаль: "у меня нет времени на это письмо, поэтому оно будет длинным".

Именно существование блестящих образцов прошлого позволяет нам достигать в нашей работе хороших, а не посредственных успехов.

Рождаясь, мы приходим в мир, который был создан не нами, мы приходим в мир, который управляется незыблемыми законами. Всё, чего мы можем достигнуть в своей работе, зависит от того, насколько хорошо мы познали эти законы...

Факты – это материал для нашего знания, а наш разум – это инструмент познания. Усвоить факты гораздо легче, чем понять, что они доказывают и как.

Не всем людям дано открыть те великие истины, которые освещают путь будущим поколениям, но благодаря хорошему общему образованию, таких людей становится всё больше.

**NB** Нам всем необходимо умение выбирать между теми противоположными мнениями, которые предлагаются нам в качестве жизненно важных истин. Если мы не научимся этого делать, то мы будем лишь послушными инструментами в руках тех, кто этому научился.

Если мы не обладаем истинным знанием фактов, от которых зависит наше решение, то каждый раз, когда мы принимаем новое решение в любой жизненной ситуации, мы можем совершить ошибку. Всю жизнь мы должны стремиться к тому, чтобы найти истину в интересующих нас вопросах. Как этому научиться? Надо показать, как эти вопросы успешно решались в прошлом.

Истина может быть открыта двумя способами: наблюдение и размышление. Наблюдение, конечно, включает в себя эксперимент. Процедуры (processes), с помощью которых истина обнаруживается в результате наблюдения и размышления, доведены почти до совершенства в естественных науках. Все люди учатся на опыте, но, кроме тех, кто изучал естественные науки, очень немногие люди понимают, что представляет собой в действительности процесс истолкования результатов опыта.

В чём состоит принципиальная разница между человеческим и каким-то другим [??] интеллектом? В способности правильно истолковать результаты опыта.

Однако в политике, например, никакие практические выводы не могут быть сделаны на основе непосредственного опыта.

Видимо, в том смысле, что политики принимают решения, рассчитанные на будущее, а будущее предсказать с большой точностью никто не может...

И в большом, и в малом сами по себе примеры не могут быть достаточными. Нам также нужны правила.

Мы обычно замечаем закономерность и выводим правила из примеров, но возможен и обратный путь: когда правило известно, и мы находим примеры, подтверждающие это правило.

Частью гуманитарного (liberal) образования должно быть понимание того, что по любому вопросу могут существовать противоположные мнения, и общее представление о доказательствах, приводимых в защиту каждого из этих мнений. Для многих людей достаточно самого общего представления о существе имеющих разногласий.

Политика на современной ступени развития человеческого знания обычно не считается наукой. В политике не бывает незыблемых истин, которые можно усвоить со слов учителя или разыскать в учебнике. Всё, чему мы можем здесь научиться, – это как стать учителями для самих себя. В тех предметах, в которых нет надёжных учителей (masters), каждый должен полагаться на свои собственные наблюдения и выводы.

Основные исторические факты студенты должны усвоить из книг, которые они читают в свободное время. То, чему должен их учить преподаватель истории, – это объяснение значения этих фактов, формирование понятий о причинах и законах исторического развития (progress).

Из всех политических наук политическая экономия, которая изучает источники и условия приобретения богатства и материального благосостояния, в наибольшей степени заслуживает права называться наукой. Я советую вам изучать то, что написано

выдающимися специалистами по политической экономии, и твёрдо придерживаться тех убеждений, которые кажутся вам истинными.

Основы законодательства; общие черты различных законодательных систем; разумные (prorer) способы создания законодательной системы; наилучшая организация судов и юридических процедур – всё это забота не только правительства, но и каждого гражданина.

Нравственные правила, принятые в цивилизованных странах, не являются вечными и неизменными, но изменяются с течением времени.

В университете может быть изучена лишь малая часть из огромной массы [гуманитарного] знания, но и эта малая часть имеет огромную ценность, пробуждая в студентах интерес к [гуманитарным] предметам и поддерживая их движение в наилучшем направлении. Познакомившись с этими науками, мы учимся учиться, получаем представление о долге и о смысле нашей жизни (our work in life).

Образование, которое развивает интеллект, но не формирует характер (will), весьма несовершенно.

Предмет, который мы сейчас рассматриваем, – это не образование в целом, а школьное образование, и мы должны принять во внимание неизбежные ограничения, с которыми сталкиваются школы и университеты. Школы не могут по-настоящему заниматься нравственным воспитанием. Нравственное воспитание – это повседневное развитие [добрых] чувств и приобретение [полезных] привычек. Такое воспитание осуществляется дома, и не входит в задачу государственного (public) образования. Дом, семья – вот, где мы получаем нравственное воспитание, которое может быть в дальнейшем улучшено или ухудшено мнением окружающего нас общества.

Нравственное влияние университета определяется не столько преподаванием как таковым, сколько общим университетским окружением (pervading tone). Конкретное знание должно преподаваться в университете как путь к достойной жизни. Университеты преследуют двойную цель: научить нас приносить практическую пользу другим людям и внушить нам возвышенное стремление к тому, чтобы развить и усовершенствовать наш характер, нашу человеческую природу.

Студенты нередко усваивают от преподавателей благородное стремление оставить этот мир в лучшем состоянии, нежели они нашли его при своём рождении, и проносят это стремление через всю свою жизнь.

Даже ошибочные в целом представления имеют определённую ценность, потому что они привлекают внимание человечества к той части истины, которая в этих ошибочных представлениях содержится.

Университет должен быть прибежищем свободной мысли. Университет, в котором свобода мысли и исследования подавляется, не может быть успешным университетом.

До сих пор я говорил о двух типах образования, которые призваны давать университеты: интеллектуальное образование и нравственное воспитание, которые являются основными частями, составляющими человеческую культуру. Но только этим культура не исчерпывается, есть и нечто третье: я имею в виду искусство и то, что часто называют воспитанием чувств.

Наше самоуважение определяется благородством наших устремлений.

Я бы сказал: степень нашего самоуважения определяется степенью благородства наших устремлений.

Люди, которые умеют воспользоваться имеющимися возможностями, часто оказываются способными и создавать такие возможности.

То, чего мы достигаем в жизни, определяется не столько временем, которое у нас есть, сколько тем, как мы это время используем.

Я не хочу соблазнить (instigate) вас возможностью прямого вознаграждения – на земле или на небесах; чем меньше мы думаем о вознаграждении, тем лучше для нас. Но есть одна награда, которую вы, несомненно, получите: вы найдёте в жизни более глубокие и разнообразные интересы, которые принесут вам десятикратное удовлетворение (value) – удовлетворение, которое останется с вами до конца ваших дней.

В развитие этой мысли, замечу, что образованному человеку не скучно жить. У меня был знакомый, который прямо мне говорил: "Всё у меня есть – работа, семья, квартира, машина, дача – но мне скучно жить". "Займись самообразованием, – советовал я ему, – и тебе не будет скучно"...

Чем дальше мы живём, тем меньшую ценность имеют для нас чисто личные устремления, и процесс этот с возрастом только усиливается...

\*\*\*